

**Елена Александровна Усачева
Ирина Владимировна Щеглова
Сергей Охотников**
Большая книга ужасов. Millennium
Серия «Большая книга ужасов»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989862
Большая книга ужасов. MILLENNIUM : повести / Елена Усачева, Ирина Щеглова, Сергей
Охотников: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61596-4*

Аннотация

«Месть девочки-призрака»

После того как дух погибшей от несчастной любви девушки начал преследовать отдыхающих, в лагере не стало покоя. Но хуже всего – взрослые не спешили верить рассказам ребят, закрывая глаза на странные происшествия. Оставленные один на один с призраком, подростки решили во что бы то ни стало помешать ему совершить самое страшное...

«Чертова ловушка»

Сначала Ксюха страдала от скуки. Казалось, летом в деревне абсолютно нечего делать. Но потом... Когда все изменилось? После того, как Ксюха познакомилась с Наташей? Или когда не поверила рассказам новой подружки о ведьме и колдуне, которые якобы живут неподалеку? Современная городская девчонка не стала обращать внимания на суеверия... и очень скоро оказалась в самом центре непонятных, пугающих событий. Сонная летняя тишина таила в себе серьезную опасность!

«Смерть за дверью»

«За дверью кто-то стоял. Она знала, чувствовала чужое присутствие. И этот чужой ждал. Ждал, что она сейчас подойдет и распахнет дверь...» Один и тот же кошмар на протяжении уже долгого времени мучает Варю. И поездка на турбазу в горы – развеяться, – похоже, не помогает. Невероятно ужасные сны не прекращаются. Кажется, они происходят наяву! Отличить реальность от кошмара все труднее, ведь, просыпаясь, Варя оказывается во власти настоящего ужаса...

«Не думай о чудовище»

В заброшенном пионерлагере дети случайно обнаружили старый фотоальбом со страшной легендой о Жрагаре – чудовище, которое убивает людей, а затем вселяется в их тела. Монстр умело маскируется, а обнаружить его практически невозможно. Подростки не представляли себе, что с этого момента их жизнь превратится в кошмар, а страх начнет преследовать по пятам.

Кошмар начинается. Призраки открыли охоту...

Содержание

Елена Усачева. Месть девочки-призрака	4
Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	40
Глава шестая	48
Глава седьмая	56
Глава восьмая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Большая книга ужасов. Millennium

Елена Усачева. Месть девочки-призрака

Глава первая Разговоры

Лунный свет облизывал белесую стену двухэтажного здания. Со всех сторон домик подпирали пышные кусты сирени. Темные окна давали зловещие блики, отчего сами казались бездонно-мрачными. Подъезд словно ту же натягивал на лоб козырек, в тревоге гнул голову. Ночной сквозняк занывривал в плохо закрытую форточку первого этажа, щекотал сонные иголки кактуса на подоконнике, обвивал вялый ствол фикуса, падал на ступеньки, рассыпался ветерком бисером, будто подталкиваемый в спину, летел вверх, проскакивал поворот и втягивался в распахнутую дверь крайней комнаты. Здесь он сбивал пылинки с ножек трех кроватей, взбирался по спинке одной из них и выпадал в распахнутое окно обратно на улицу. Июльская ночь принимала сквознячок в свои мягкие ладони, скатывала в послушный шарик, чтобы запустить его... Куда? В окно? В небо? В лицо застывшей фигуры?

Ветерок стих, но еще долго хрустели ветки под ногами, скрипел песок, кто-то шептался, совок скреб землю, шуршал выкопанный пакет.

Из распахнутого окна изолятора слышался неспешный разговор.

– Тихо! Вдыхает кто-то, нет?

– Покойница за стеной.

– Какая еще там покойница?

– Самая обыкновенная.

– Откуда?

– Да об этом все знают!

– Ну, ну... соври что-нибудь.

– Смотри, как бы у тебя от этого вранья кишки в таз не провалились.

– Это у кого еще провалятся!

– Всем молчать! Я рассказываю!

– Ой, ой, ой...

– Значит, так. За точность имен не ручаюсь. Но как-то приблизительно. Зина любила Петю. Петя был не против гулять с Зиной, но ему больше нравилась Ленка. Ленка бегала за Пашкой, в которого была насмерть влюблена Славка. Славка ходила, ходила, да и решила увести Петюню у Зинки, хоть они и были подружками. Зинка билась в кровь, рассорила Ленку с Пашкой, и Славка спокойненько его забрала себе. Так прошел год, потом второй. А потом...

– погоди, я что-то запутался. Если она любила Васю, то чего она к этой Ленке полезла?

– Какого Васю! Чего ты несешь? Не было Васи!

– Ну, Колю...

– Да пошел ты!

– Чего вы вечно ругаетесь? Рассказывай дальше.

– Не буду!

– Хорош!

– Не буду!

– Королев! Скажи!

- Пося, отвали!
- Без него обойдемся. Короче, повесилась она.
- Кто, Вася?
- Ну, ты дебил! Какой Вася! Я же говорю – она. Славка.
- И не Славка, а Ленка.
- А Ленка-то от чего?
- От любви.
- Вот чушь! Кто же от любви вешается?
- А от чего вешаются? Когда конфет не дают?
- Ну... за дело.
- Для девчонок это – дело.
- Вот дуры.
- Пося, тебе не понять.
- Чего это мне не понять? Все я понимаю.
- Конечно! У тебя девчонок было... отсюда и до речки.
- Чего вы опять? Королев!
- Уговорили, сейчас я вам все расскажу. А повесилась она в изоляторе. Сначала вены попыталась себе вскрыть, а потом повесилась.
- На чем повесилась?
- Пося, отвали! На собственных трусах повесилась.
- А дальше что?
- Ничего! В землю закопали, надпись написали.
- Не все! Она не успокоилась. Она до сих пор здесь.
- Брехня!
- А почему тогда нас троих положили в эту палату? Должно быть две кровати. Третью еле втиснули. Вера Павловна пройти не может, ругается.
- Чтобы нам скучно не было.
- Королев! Что ты гонишь? В соседнюю палату никого класть нельзя. Эта Ленка как раз там и повесилась. Туда уже третий год никого не кладут. Потому что ночью она обязательно приходит и душит того, кто там спит.
- А! А! Помогите! Я задыхаюсь!
- Пося, сейчас в лоб.
- Ну чего вы прикидываетесь? Здесь всего две палаты. Одна для девчонок, другая для нас. Это ты сюда затесался со своим перегревом. Не класть же тебя к девчонкам?
- Это еще вопрос, кто затесался.
- Ты о чем?
- А кого я видел сегодня на завтрак? Не тебя, скажешь?
- Какое меня? Я в изоляторе уже третий день.
- А по улице, значит, твоя тень бродит?
- Или здесь твоя тень лежит?
- Вы чего?
- Мы-то ничего, а вот ты... Пося...
- Хорош пугать.
- И про покойницу он все знает. Кто повесился, кто не повесился.
- Отстаньте вы! Ничего я не знаю! Сами только что рассказали!
- Мы-то тебя не трогаем. Ты, я смотрю, сам...
- Ребята, ну что вы?.. Куда вы смотрите? Что там? Не молчите, а? Чего вы вдруг? Хотите, я сам схожу в соседнюю палату и докажу, что там никого нет? Они специально сюда

третью койку впихнули, чтобы убираться поменьше. Они же здесь хлоркой все промывают, вот и решили сэкономить. Нянечке половину зарплаты платят за одну палату.

– Ага, а неиспользованную хлорку выпивают.

– Королев! Ты-то мне веришь?

– С чего мне тебе верить? Раз Кабан говорит, так оно и есть – засланный ты сюда человек.

– Ну вот, глядите!

– Копыта убери! А то я тебя ядовитой слюной...

– Шаги! Слышите?

– Показалось.

– Пося, если ты не перестанешь сопلي развешивать, все станет слышно.

– Нет там никого.

– Своих не признает.

– Сам ты свой!

– Дам в лоб – станешь своим. И начнешь по коридору шастать, как местный.

– Да пошли вы!

– Ты глянь, обиделся. А может, это за тобой? Шаги-то...

– За тобой! Меня завтра уже выпишут, а тебе еще здесь куковать... Вместе с покойницей.

– Не, у покойницы своя компания есть.

– Какая компания?

– Хорошая компания. Пося энд компани.

– Королев, хорош! Кабан, скажи ему.

– А чего мне говорить? Все правильно. Ты у нас главный по покойникам. К тебе, вон, уже пришли.

– Сейчас мы узнаем, кто к кому пришел.

– Нет, ну вообще – потопал! Храбрый!

– Отвали!

– Как у себя дома. Я же говорил, оттуда он, от покойников.

– Пошел ты!

– Пока только ты у нас пошел.

– Ты чего на него взелся?

– Надоел. Пока ты не появился, он мне два дня мозг выносил. Сидит, волдыри свои ковыряет. Это же он меня прыщами заразил! Все тряс надо мной своей футболкой. Вера Павловна сначала решила, что у нас ветрянка, а потом оказалось, ничего особенного – клопы покусали. Ты у нас тут по делу, с солнечным ударом. И где только подхватить ухитрился? Солнца, вроде, и не было. Какого вас на речку потащили?

– Чего-то он долго...

– Обиделся и в соседней палате спать завалился.

– Вроде тихо. Пошел-то он куда?

– Покойница к себе утащила.

– Ага, и сейчас с толпой мертвяков он прибежит обратно.

– Конечно, прибежит! Куда денется?

– Уже куда-то делся.

– Не зуди. Тут до конца коридора и обратно. Другой дороги нет.

– Еще в туалет можно завернуть.

– У него понос – в туалете сидеть?

– Слышишь?

– Обратно идет?

- Нет, это от лестницы.
- Вера Павловна?
- Она топает, а это – с шуршанием каким-то. Словно по полу за собой что-то везет.
- Я надеялся, Пося в отряд драпанет. Нет, вернулся.
- Выгляни.
- Чего я выгляни, если ты лежишь около двери?
- На правах старичка. Какую ночь уже здесь.
- Без тебя все тихо было.
- Тихо было, пока Пося орал. Леш, а что, если это не он ходит?
- Имя у него новое – Неон? Сбежал давно наш Пося. Небось к вожатым помчался.
- Почему к вожатым?
- Вожатые – это хорошо. Вожатые – это надежно.
- Королев! Ты чего трясешься?
- Шаги, слышишь?
- Внизу кто-нибудь стучит.
- Ночью?
- Домино или карты...
- Что ты паришь? Какие карты? Это шаги! Вот, остановились.
- Разве? Я ничего не слышу.
- Идут дальше.
- Где?
- Это же Пося! Вот debil!
- Не ходи!
- Сейчас я ему!
- Стой! Королев! Ты где? Я слышу шаги. Они возвращаются. Это Пося? Королев! Кто это? Ты?..

Детско-оздоровительный лагерь «Радуга» тонул в зелени. Уснувшие на ночь кусты выступали темными громадами из-за корпусов, пластмассово отражали свет восковые лепестки цветущих магнолий. Стволы сосен горели во мраке желтыми свечками. Свято следуя законам физики, тепло от земли уже давно улетело в чернильное небо, к моргающим звездам, по траве потянуло сыростью, душноватой затхлостью от старицы. Ветерок поигрывал макушками сонных деревьев. По утоптанной земле прыгали лунные тени, протянувшись через дорожку черная растопыренная лапа. Звезды задрожали, уступая место пронзительно-яркому месяцу. Изогнутый рожок уверенно светил, разгоняя мрак, пробиваясь сквозь ветки и листву, отчего все внизу стало неприятно-пятнистым.

Сквознячок коснулся иголок, осыпал желтые колючки на головы пары, стоящей под сосной, убрал черную тень через дорожку.

- Ты меня любишь?
- Ну чего ты сразу?
- Ничего и не сразу! Говори: «Я люблю тебя, Алла! И буду любить всю жизнь!»
- «Я люблю тебя, Алла, и буду любить всю жизнь!»
- Не так!
- А как?
- Что ты все шутишь? Говори серьезно. Если любишь, конечно.
- Люблю, люблю.
- А смотришь куда?
- Показалось – прошел кто-то.
- Ты просто отворачиваешься! Никого там нет.

- Старшие отряды могут шалить.
- Макс! Какое тебе дело до старших отрядов, если ты на третьем. Твои спят? Вот и ты – спи. То есть стой рядом и не дергайся!
- Слушаюсь, мой командир.
- Ты не слушай, а говори!
- Что говорить?
- Что любишь меня.
- Люблю.
- Что будешь со мной всегда!
- Буду с тобой всегда.
- Как-то ты не так это говоришь. Издеваешься?
- Ну почему сразу издеваешься? Ты просишь – я говорю.
- Тихо!
- А ты еще меня постоянно дергаешь.
- Да не ори ты! Слышишь?
- Только тебя и слышу.
- Прошел кто-то.
- Я же говорил!..
- Тихо! Вот опять. Шаги!
- Ветер. Иголки с сосен падают.
- Какие иголки? Ой, мамочки!
- Ты меня задушишь... Шея! Алла!
- Ой, извини. Я так испугалась. Кто-то из детей сбежал.
- А слышала, как в прошлой смене детишки развлекались? Налили в грелку вино, закопали ее и бегали парами к тайнику, сосали алкоголь через трубочку. Никто и не понимал, чего они там в кустах делали – приходили и уходили с пустыми руками.
- Смотри! Видишь? Что-то белое.
- Никак девчонки побежали. Отряд второй или первый, судя по всему. Давай догоним?
- Не ходи! Что-то мне тревожно стало.
- Кого ты испугалась? Сейчас они тебя испугаются! Ты же вожатая. Пошли!
- Ой, что-то ноги не идут.
- Застоялась! Быстрее! Упустим!
- Помогите!
- Слышал?
- Откуда это? От входа?
- От изолятора.
- Бежим!
- Не могу. Ноги не слушаются.
- Алка! Ну ты чего?
- И тебя не пущу.
- Помогите!
- Зовут.
- Без тебя обойдутся. Макс! Стоять!
- Хватит мной командовать! Я быстро! Там ерунда какая-нибудь. Дверь, наверное, захлопнулась. Народ уже собрался. Стой здесь.
- Нет! Макс!
- Я быстро!

– Макс! Я с тобой! Не убегай! Макс! Сам говорил, что любишь, а теперь бросаешь. Вот видишь, я уже иду. Ты где? Макс? Это ты? Ты решил от меня спрятаться? Ой! Кто здесь? Макс!

– Помогите!

Летняя ночь дышала сотней глоток. Затхлый, перегревшийся за день воздух стоял колом в горле, рождая неукротимое желание прокашляться. Тяжело пахли магнолии. Вздыхали старые сосны, нехотя протягивая свои ветки в палевое небо. Месяц пробитой дыркой смотрелся над головой. Так и виделось, что в этот ненасытный яркий серп сейчас затянет не только россыпь звезд-веснушек, но и ночь, деревья, дурацкие кусты и двух девчонок, бегущих сквозь низкие трескучие акации.

– Боже мой, как он прекрасен! Просто божественен! О! Королев!

– Задолбала ты уже со своим Королевым.

– Ирка! Ты не понимаешь! Он прекрасен.

– И божественен. Куда уж мне – понять такое!

– Королев! Какой он!.. А как говорит! А какие стихи пишет! «Эта ночь...»

– Сегодня без стихов! Они тоже божественны, как и твой Король, пропади он пропадом!

– Не надо, чтобы он пропал. Ирка! Он идеален! Это даже не человек!

– Очень бы мне хотелось, чтобы он перестал быть человеком, потому что я слышать больше о нем не могу. Я придумала, Анька! Давай наречем его крысой. Красивой такой, с длинным хвостом. Упитанной крысой. Он не обидится.

– Зайцева! Ты сволочь! Потому что Король прекрасен.

– Да прекрасен он, прекрасен, только замолчи. Я же пошла с тобой. Вот видишь, иду. Между прочим, нас Алена ругать будет.

– Если заметит.

– У нее чутье! Третий год вожатой. Наверняка заглянула к нам в палату и увидела, что нас нет.

– Ирка! Как она может что-то увидеть, мы же сделали «кукол», мы вылезли тихо-тихо. Перед нами уже сбежали двое. Вокруг сказочная ночь. И мы идем к самому прекрасному в мире человеку. Королеву! Он сказочен.

– Сказочен, сказочен...

– И прекрасен.

– Я тебя сейчас стукну. Как будто помимо Королевы других парней нет. Там Кабанов лежит, Сашка, тоже ничего себе. Как он здорово спор выиграл. Сказал, что заработает тепловой удар, – и пожалуйста, он в изоляторе. Жалко, что его не отдельно положили, можно было бы к нему в палату залезть, посидеть.

– Ирка! А давай заберемся на второй этаж к Королеву! Чего мы будем просто так стоять у него под окном?

– Это ты собиралась у него под окном стоять, а я собиралась тебя там бросить.

– Как можно меня бросить, когда я такая счастливая...

– Дура. Он же тебя все время чморит, ненормальной называет. Перед тем как загреметь в изолятор, что он говорил?

– Ах, что бы он ни говорил – это все равно прекрасно!

– Ага, прекрасно... «Красное белье – это пошло», «Черные чулки – это вульгарно». «Ты ужасно одеваешься». «Что у тебя на голове?»

– Что у меня на голове?

– Стог сена у тебя на голове, а под ним – пустота.

– Так не бывает!

– Хорошо, что у тебя папа – не хирург, ты бы наслушалась разных историй. Бывает все. Одному мужику полчерепа снесли. И он живет себе дальше как ни в чем не бывало. У другого череп вскрыли, а там пустота, только водичка булькает. А он при этом ходил, разговаривал, работал. Так что у тебя еще все может быть.

– Пусть! Пусть там будет пустота! Но эта пустота живет, и ей хочется кричать, что Королев прекрасен.

– Тьфу на тебя! Интересно, что ты скажешь, когда смена закончится и твой ненаглядный укатит в свой Залесск, а ты к себе в деревню?

– Не знаю. Я, наверное, тогда умру.

– Решение – блеск! Чего тянуть – прямо тут и давай!

– Смотри, у них свет горит.

– Дверь закрыта. Если хочешь туда попасть, лезь в окно.

– Королев!

– Свет не в той палате. Не у мальчишек. В соседней.

– Кто-то еще заболел... Королев!

– Какая-то девчонка. Рукой машет. Свет там какой-то дурацкий. Все синим делает.

– Ах! Королев! Я готова ради него на все! Лешенька!

– Хреново она выглядит, эта девчонка. Как будто синьку на себя вылила.

– Лешка!

– Ай! Мотя! Ты видела?!

– Королев? Где?!

– В том окне! Девчонка! У нее было синее лицо.

– Показалось. Такая ночь... Все немножко нереально.

– Помогите!..

– Ты что?

– Смотри!

– Королев? Ты что?! Не трогай его! Не смей! Лешка!

– Помогите!..

– Ирка! Разбивай стекло! Быстрее! Лешка!

– Сарафан скидывай! Ай! Не получается.

– Сильнее! Королев! Помогите!

– Помогите!..

Сказать, что утро в детском оздоровительном лагере «Радуга» было добрым, значит многое упустить. Оно было... веселым. Что может быть веселее поспать на часик подольше, потому что побудки в восемь утра не прозвучало? Не зашипели привычно репродукторы на четырех столбах, расставленных по всему лагерю, не выплюнули из себя звонкий напев горна, приблизительно ложившийся на мотив песенки: «Вставай! Вставай! Штанишки надевай!» Не грохнуло следом за этим до противности бодрое: «Лагерь «Радуга», с добрым утром!» Не заиграла до зубовного скрежета надоевшая песенка «В небе радуги свет – о-о-о-о! Это лета привет – о-о-о-о! И под этой дугой – о-о-о-о! Мы танцуем с тобой – о-о-о-о! Только с тобой!»

Да что вспоминать все то, чего так и не произошло. Лагерь продолжал спать, птички продолжали мирно чирикать, даже осмелевший дрозд вывел свое заветное: «Филллиппп, Филллиппп! Пррриди, пррриди! Чай пить, чай пить. С сахаром, с сахаром!» Лишь у корпусов малышни наметилось некоторое оживление. Карапузы, как известно, вовремя ложатся и вовремя встают. Им никакой будильник не нужен.

В это самое время по начинавшей нагреваться дорожке семенял невысокий пухлый человек со сверкающей лысиной, обрамленной пушком кое-где сохранившихся волос.

Начальник лагеря Семен Семенович Курицын торопился на внеплановое собрание вожатых. Проходило оно в светлом двухэтажном корпусе, чьи свежеекрашенные бока контрастировали с древними корпусами, где жили дети и обслуживающий персонал. Корпус назывался «Административным». На первом этаже обитали бухгалтерия и комната директора, на втором – кабинеты врачей и... изолятор.

Семен Семенович подошел к ступенькам крыльца. Под ногами захрустели осколки. Не хватало стекол в окне около двери и прямо над ним, в изоляторе. От верхнего разбитого окна вниз тянулись темные полосы. Словно кто зажигалкой провел, оставив закопченный след.

Топот на дорожке предупредил о том, что к корпусу кто-то очень спешит.

– Идут! – вырuling из-за куста сирени вихрастый десятилетний мальчишка в шортах и почему-то в парадной белой рубашке.

– Идут! – прыгнул вперед пацан лет двенадцати, закутанный в простыню.

– Идут! – Долговязый парень из старших отрядов вышагивал степенно, предыдущие гонцы его обогнали, но это его несколько не тревожило.

Начальник лагеря хрустнул стеклом под ботинком, напряг челюсти и воинственно сощурил глаза.

– Идут, значит? Что ж, хорошо.

И решительно поднялся по ступеням.

Гонцы не стали ждать разрешения уйти. Каждый своим манером ускакал, убежал и ушел, стоило начальнику повернуться к ним спиной.

В холле первого этажа пахло горелыми спичками. Как будто некий гном не нашел себе другого занятия, как извести в ночи десяток-другой коробков.

Слева – лестница наверх, прямо – вечно закрытая дверь бухгалтерии, справа – стеклянная дверь большой просторной комнаты с высокими, в человеческий рост, окнами, с неизменными монстерами по углам, вымахавшими такими большими, что язык не поворачивался назвать их листья «ладошками». Это были гигантские растопыренные лапищи инопланетного монстра.

В кабинете вдоль окна и напротив, вдоль стены, тянулись зигзаги стульев. Выглядело это так, как будто стулья куда-то торопились, но внезапно наступивший рассвет заставил их замереть на месте.

Дверь смотрела на широкий стол, заваленный бумагами, из-под которых еле виднелись два телефона. Директор пересек кабинет и навис над бумагами, словно на расстоянии пытался определить, какая из них нужная, а какая давно просится в мусорную корзину.

Звуки, множество звуков наполняли комнату. Здесь были и задорные голоса зябликов, и шум ветра, и шепотки давно умерших разговоров. А главное – шаги. Они приближались, они накатывали лавиной, они сбивали с ног.

– Мы пришли!

– Садитесь!

В дверь стали входить вожатые, невыспавшиеся, еще несколько помятые со сна.

По одному вожатому от отряда, всего, выходит, двенадцать человек. Начальник быстро оглядел знакомые лица. Старший вожатый Кирюша, как всегда бесшумно, скользнул на свое место около стола, достал блокнот. Недаром – старший, всегда знает, что надо делать.

– Скажите, – вкрадчиво начал Семен Семенович, не дожидаясь тишины, – вы любите детей?

Комнату захлестнули возмущенные голоса. Начальник не стал останавливать своих вожатых: дослушал восклицания до конца – они сами стихли, захлебнувшись в повторениях.

– Я понимаю, что любите, иначе не стали бы вожатыми. Но одной любви здесь не хватает. Ваша любовь не удержит их около вас. – И без паузы, без предупреждения, без при-

личествуящего такому сообщению лирического отступления: – У нас пропали мальчики! Первый отряд. Алена, может, вы сами все расскажете?

Поднявшаяся девушка была невероятно красива и, по всему выходило, что она еще не осознала своей красоты. Ни в лице, ни в глазах у нее не было ни холодного цинизма, ни высокомерия, что так часто встречаются у девушек, многими захваленных. Она мгновенно покраснела, стрельнула глазками направо-налево, теряясь и чувствуя свою беспомощность.

– А чего тут рассказывать? – негромко начала она. – Мальчишки лежали в изоляторе. Сегодня утром их уже там нет. Лежавший вместе с ними Кабанов сказал, что они сбежали. Испугались покойницы и сбежали.

Она замолчала, давая возможность взлететь испуганным вопросам: «Покойница? Покойница? Покойница?» А дальше: «Ой! Ой! Ой!» И громкий шепот вожатого третьего отряда Макса: «Потом все расскажу!»

– Я не думаю, что они сбежали вместе, – собралась с духом и продолжила Алена. – Королев не дружил с Постниковым, они не могли сговориться. Около изолятора ночью были девочки, Аня с Ирой. Они утверждают, что видели в пустой палате девочку и что она душила Королеву. А еще этой ночью...

– Достаточно, – прервал ее Семен Семенович. – Инфернальщину оставьте своим детям – для рассказов перед сном. Кто кого душил и какого цвета было у девочки лицо. Вы мне лучше расскажите, почему ваши подопечные разгуливали ночью по территории?

– Королев с Постниковым лежали в изоляторе, я не могла за ними следить! – звонко воскликнула Алена.

– Я не про них сейчас спрашиваю! Я спрашиваю про ваших девочек! Алена! Вы же не первый год работаете в лагере!

Начальник как-то странно посмотрел на вожатую, так что она даже рот закрыла. Румянец сбежал с ее щек.

– С девочками ничего не произошло, – сквозь сжатые зубы прошептала Алена.

– Ничего, кроме истерики? – уточнил начальник. – Что они увидели?

– Кого-то в окне. По описанию выходит, что это Канашевич.

При этих словах начальник вдруг подпрыгнул, стукнул кулаком по столу и, сильно поклонившись вперед, заорал:

– Канашевич умерла три года назад! Алена! Что вы несете?! Вы же были вожатой ее отряда и все хорошо знаете! Никакая Канашевич в изоляторе появиться не могла. Это все слухи и страшилки лагеря. И не стоит их нести дальше! А то у вас скоро зеленые инопланетяне появятся! Детишкам всего-навсего стало скучно! Они разбили два окна, испачкали стену и сбежали!

– Но Алла говорила... – неуверенно начала Алена.

– Это еще придется выяснить, почему Алла вместе с Максимом в столь позднее время находились вне своего отряда. Распустились! Придумываете всякую ерунду, вместо того чтобы делом заниматься, за которое, кстати, вам платят деньги. Алена! Вы же профессиональный вожатый! Как вы могли во второй раз такое допустить?

– И во второй раз это происходит в изоляторе! – заупрямилась Алена. – Та же самая палата, Семен Семенович!

– Хватит оправдываться! Если дети у вас бегут из отряда, если они убивают себя, значит, что-то в отряде происходит не то. Или вы хотите подписаться в собственной профнепригодности?

– Они не из-за отряда это делают!

– А из-за чего?

– Из-за любви!

Тихо вскрикнула маленькая Настя. А крупная, с румянцем в пол-лица Маруся громко хохотнула.

Глава вторая

Когда все хорошо

Горн все-таки проснулся и напомнил о себе. Лагерь, уже прогретый утренним солнцем, зашевелился. Голоса детей заглушили птичьи трели.

– Алюша! Какую ерунду ты несла? – морщился вечно недовольный Кирюша, прозванный так за то, что любил все имена переделывать на уменьшительно-ласкательные. – Что еще за любовь? Ты бы искала, кто у тебя кого обижает. Сама говорила, что Постникова твоего недолюбливают, издеваются. Не в этом ли причина?

– Кирюша! Прекрати! Ты отлично знаешь, что Канашевич покончила с собой из-за психической неустойчивости. Это даже следствие доказало. У них возраст такой – четырнадцать лет. Они все с ума сходят из-за своих первых влюбленностей, их кидает из крайности в крайность. А потом – еще дома она пыталась вскрывать себе вены.

– Кому ты это говоришь? Если мальчишки не найдутся, отвертеться общими словами тебе не удастся. С Канашевич тогда крупно повезло, что случившееся не повесили на тебя, что родители не стали гнать волну, что у нее уже были попытки суицида. Что бы ты ни говорила, но смерть случилась и по твоей вине. Надо было ребенку больше внимания уделять.

Алена наклонила голову. Светлые волосы скрыли лицо.

– Они найдутся, – глухо заговорила вожатая, – но не так, как ты думаешь. Канашевич вчера увидели недаром. Три года. Словно она специально чего-то выждала и явилась... Или ее кто-то позвал. Такие же обряды бывают, нет?

– Ты сходишь с ума! Алюша! Очнись! Вот именно что три года! Если это тебя так волнует – съезди к ней на могилу, поставь в церкви свечку. Но только не тащи прошлые события в сегодняшний день. Считай, что все забылось и быльем поросло.

– А то, что ты три года назад за мной ухаживал – тоже быльем поросло? Куда делись твои чувства?

– Ой, Алюш! Тебе сейчас надо о сегодняшнем дне думать, а не о моих чувствах. Ищи детей, звони родителям. В этот раз тебе так просто отделаться не удастся.

– Не надо никому звонить. Они в лагере. – Алена спустилась на дорожку, оглянулась на окна второго этажа. – Просто мы их пока не видим.

Кирюша недовольно поморщился – ему надо было найти детей, все остальные мысли и эмоции он откладывал на потом.

Первый отряд по праву старичков позволял себе не бегать на спортивную площадку для утренней разминки. Ребята вяло размахивали руками около своего корпуса. Пара мальчишек откровенно отлынивали, пристроившись на корточках возле отрядной беседки. Девчонки болтали. Высокий накачанный вожатый Матвей, ничего не замечая, продолжал с настойчивостью робота отсчитывать ритм выполняемых упражнений.

– Раз-два, раз-два, раз-два. Тянем мысок!

Он учился в спортивном колледже, собирался стать тренером и два месяца летом в детском лагере были его педпрактикой. Стальные нервы, абсолютное спокойствие, стопроцентная уверенность в себе и собственной победе. Мечта, а не мужчина.

– Следующее упражнение!

Алена сделала знак рукой, чтобы ребята не отвлекались на нее, но парни тут же сгрудились вокруг вожатой, замелькали в толпе взволнованные лица девчонок.

– Раз, два! Раз, два! – с упрямством заводного механизма повторял Матвей.

Упражнения должны выполняться, и они будут выполнены, даже если перед тобой осталась только пара тихонь.

– Ну что? – выдвинулся вперед суровый Юрка Кривонос. За спиной – его гвардия, верные мушкетеры короля: Мишка, Давид, Гера.

– Кто видел Аню?

Моторовой не было.

– Она в палате, – подсказала Томочка.

– Раз, два! Раз, два!

– Заканчивайте зарядку и собирайтесь в беседке.

Алене хотелось выдохнуть, хотелось опереться на плечо такого уверенного в себе Юрки. Но впадать в панику и унывать было поздно. За нее это уже сделали. Старший вожакий постарался.

Палата просторная, на десять кроватей. Большой нелепый квадрат, где часть коек стоит около стены, а две сиротливо выползли на середину с неизменными спутницами-тумбочками. Гулкое пространство к душевному разговору не располагало.

– Королев! – выла в своем уголке Анька.

Судя по тому, что из зрителей рядом с ней осталась только верная Ирка Зайцева, рыдала Моторова давно. А может, и всю ночь. Нет, всю ночь она не рыдала. Всю ночь она носилась по лагерю. С теми же криками.

– Что у вас?

– Вера Павловна ей успокоительное дала, но оно, кажется, не действует.

Ирка Зайцева была нежно-рыжего цвета, белая кожа лица придавала ей невинный, почти младенческий вид. На это покупались все, кто Ирку не знал. Если Кривонос в отряде играл роль де Тревиля, то Ирка была истинной Миледи. Это из-за нее Сашка Кабанов поспорил, что среди пасмурного дня заработает себе тепловой удар и чуть не прыгнул головой в самую большую печку лагерьной кухни. В ответ на такой подвиг Ирка лишь белесой бровью повела. Ни ее, ни Аньку нельзя было назвать красавицами. Широковатый нос, мясистые щеки, водянистые глаза, да еще и хриловатый голос – но все мальчишки поддавались ее очарованию.

– Королев! – оторвала заплаканное лицо от подушки Аня.

Тоже рыжая, тоже с белым лицом, широкими скулами, маленькими глазами. А сейчас еще и зареванная – Моторова выглядела ужасно.

– Еще раз скажите, что вы видели? – жестко произнесла Алена.

Ира улыбнулась. Такая улыбка считалась загадочной, и парни в кровь расшибались, чтобы подобная милость была обращена к ним.

– Ну, мы пошли к изолятору...

– Зачем вы туда пошли?

Зайцева округлила глаза, словно ее спросили о чем-то неприличном.

– Потому что Анька весь вечер выла о своем Королеве. Вот мы и решили...

– А Кабанов?

Глаза Ирки стали еще круглее.

– А что Кабанов?

– Ты разве не к нему пошла?

– Ой, сдался мне этот Кабанов!

– Ладно, вы пошли к Королеву. Дальше.

– Ну и всю дорогу Анька кричала, как Королев прекрасен.

Алена закрыла глаза. Рыхловатый круглоголовый Королев с тонкими губками и ехидным прищуром вызывал у нее совсем другие чувства, но на вкус и цвет, как говорится...

– Дальше!

– А чего дальше? Мы пришли, стали их звать. Я смотрю, кто-то в окне торчит и свет еще какой-то странный. Девчонка, волосы длинные...

Алена тяжело задышала.

– Ты раньше видела ее фотографию? – сквозь сжатые зубы спросила вожатая.

– Чью?

Ирка обратила на Алену тяжелый взгляд. За ним была пустота. Из такой пустоты можно вытащить лишь то, что позволят. Зайцева – не позволяла.

– Дальше!

– А потом эта девчонка стала душить Королеву, Анька заорала, я разбила стекло. Прибежали вожатые.

Моторова вдруг взвилась на своей кровати, кинулась к Алене:

– Пойдемте его искать, а?! Оденемся и пойдем. Возьмем все, что нужно. Он не мог далеко уйти! Я знаю, ему нужна помощь.

– Это тебе нужна помощь! Приди в себя! – Алена сама не заметила, как ее рука резко ударила по мокрым щекам подопечной. Раз, два. Завершаем физические упражнения и переходим к водным процедурам. – Он сам придет. А тебе надо умыться.

На нетвердых ногах Алена вышла из палаты.

Канашевич, Канашевич... как в дурном сне. Ровно три года назад она так же успокаивала рыдавшую в подушку Лену Канашевич. «Мальчик с девочкой дружил, мальчик дружбой дорожил...» Не хватает только, чтобы с Анькой что-нибудь стряслось. А поэтому с ней надо жестко, никакого сюсюканья.

По коридору прозвучали быстрые шаги. Здоровье в порядке, спасибо зарядке!

– Ну что, моя дорогая?

Матвею хоть бы что! Как машина. Все так же улыбается, так же четок. Зарядку сделал – день покатился дальше. Попытался Алену приобнять, но она не далась.

– Кирюша с завхозом пошли в лес, Семеныч звонит родителям.

– Вот видишь, как все хорошо!

Убила бы! Но Матвей высок, широкоплеч, с открытым добродушным лицом – об его голову можно разбить сковородку, он все так же будет стоять и улыбаться.

Алена вышла на крыльцо. Отрядная беседка, как галчатами, была обсижена ребятами. Они шумели, смеялись, кого-то уронили с высокого бордюрика.

– Ваш вожатый сказал, что все хорошо, – дрогнувшим голосом начала Алена. – Значит, так оно и есть. У меня к вам одна просьба – хотя бы пару дней не разбегаться. Моторову не трогать. Вообще! Чем меньше вы будете на нее обращать внимания, тем быстрее она успокоится.

Алена поморщилась. Надо было еще как-то сказать им про Канашевич, ну, чтобы поменьше вспоминали длинными лагерными ночами, но язык не повернулся.

– Идем завтракать. Я уверена, Королев с Постниковым к обеду вернутся.

Первыми с лавок ссыпались мальчишки – «вечно голодные, вечно свободные...», и начали делать вид, что строятся.

– Ой, миленькая, так все ужасно! – тут же повисла у Алены на шее Томочка. – Я так переживаю.

Томочка круглолица, щекаста, кареглаза, с короткими темно-русыми волосами. Вся такая крепенько сбита, правильная.

– Ты-то чего переживаешь? – устало отстранилась Алена, но от Томочки так просто избавиться никогда не получалось. Она еще сильнее повисла на шее, уперлась щекой в плечо вожатой.

– Так жалко, так жалко, – забормотала она. – Они вернутся, да?

Алена поискала, на кого бы Томочку сбросить – девочке было все равно, с кем обниматься. Как раз подвернулась Кузя.

– Юля! – поманила Томочкину подружку Алена. – У меня для вас задание. Посмотрите, чтобы Аню сегодня никто не трогал.

Отчаянный ход. В эту смену ее отряд клокотал интригами и маленькими кровопролитными победоносными войнами. Компания Томочки ненавидела Аньку с Ирой. Но ведь их «так жалко, так жалко...».

От неожиданности Томочка сползла с плеча вожатой, в карих глазах сверкнуло презрение.

– Хорошо, – заторопилась Кузя, отводя Томочку подальше.

Юлька Кузнецова, черноглазая, чернобровая, с длинными темными волосами, высокая, с уже сейчас вырисовывающейся хорошей фигурой, обняла Томочку, и та прильнула к ее покато плечу, прошептав: «Миленькая...», они направились к дорожке, но Кузя вдруг остановилась. Чуть помедлила, словно решала: говорить – не говорить, но все же сказала:

– А Юрка на зарядке говорил, что сломает Кабанову ногу, чтобы на всю смену отправить его в изолятор.

– Зачем? – опешила Алена, поразившись и самим Юлькиным словам и тому, что она произнесла.

– Чтобы в отряде не появлялся.

– Кому он это сказал?

– Зайцевой.

– А при чем тут Зайцева?

Томочка сделала большие печальные глаза.

– Типа, влюблен, – сообщила она страшную тайну.

Этого только не хватает! Прямо не июль месяц, а май, все маются. А тут еще Канашевич... Какого же числа это произошло?

Крик взметнулся и стих. Что-то в этом крике было знакомое... чье-то имя?

Алена обернулась. На крыльцо степенно вышел Матвей.

– Я смотрю в окно, а он чешет. Я говорю: «Ты не из столовой?» А он спрашивает: «А что, вы уже позавтракали?» Прикинь? Голодный!

– Кто?

– Как кто? – хохотнул Матвей. И вновь за эту жизнерадостность Алена захотела его убить. – Пося.

Кажется, Алена бежала. Задышалась от бега...

Валя Постников был весьма своеобразным человеком. Некрасивый, но обаятельный, какими бывают мерзавцы в кино. Высокий. Светлые печальные глаза, светлые жидкие волосы. Наивный до невозможности – его так и хотелось пнуть или «развести» на злую шутку.

Этот самый Постников обнаружился за кустами около корпуса. Мальчишки окружили его. Юрка старался что-то выпытать, стучал по вялому плечу.

– Отошли! – налетела на них Алена.

Валька Постников неуверенно улыбался, но в целом был вполне себе жив и даже невредим.

– Идем! – вцепилась в его руку Алена.

Перед ее глазами мелькнули возмущенные лица – новости хотелось знать всем.

На крыльце толпился народ. Не пройти. Беседка занята – первый и второй отряд собираются на завтрак.

Алена решительно шагнула под сосны, впечатала Постникова спиной в корявый ствол.

– Ты где был?

Валя стрельнул глазами туда-сюда, словно ища поддержки, которую ему никто никогда не оказывал, да и сейчас бы не оказал.

– На реке.

– На какой реке? – с угрозой в голосе переспросила Алена.

– На нашей.

– Что ты там делал? – Вожатая быстро окинула взглядом подопечного. Одежда сухая, волосы не мокрые – не купался. И на том спасибо.

– Спал. Там домик есть, я в него забрался.

Алена сделала шаг назад. О чем еще можно говорить с человеком, который среди ночи сбежал из изолятора, чтобы прогуляться по лесу, посидеть на бережку под звездным небом, а потом поспать в заброшенном домике рыбака?

Постников не понимал смысла взгляда вожатой. Видимо, для него в таком поступке не было ничего необычного. Алена вздохнула и все-таки задала заветный вопрос:

– А почему ты не спал в своей кровати? И куда делся Королев?

– Они меня сами выгнали! Нарассказывали страшилок, а потом послали ловить покойников. Я и ушел. Королев в палате оставался. Что с ним станется?

– А как ты ушел, если дверь корпуса была заперта?

– Не была она заперта. Я спустился вниз, толкнул дверь – она и открылась. Я думал, погуляю немного и вернусь. А тут этот крик начался. Я решил отойти подальше. А потом уснул.

– А Королев?

– Чего Королев? Я его не видел.

– Так... – Выбивать из Постникова еще какую-нибудь информацию казалось бессмысленно. Открытый, как белый лист бумаги, он наверняка сказал все. – Иди к Вере Павловне...

– В изолятор?! – округлил глаза Валя. – Не! Там покойники...

– Идешь к Вере Павловне, и она пишет тебе в карте, что ты выздоровел. После этого приходи в столовую.

Валька хитро улыбнулся.

– А чего, Королев тоже сбежал?

– Тоже. Только ты через первый этаж вышел, а он со второго сиганул.

– Молоток! – одобрительно хмыкнул Валька.

И как после этого говорить с парнями? Кабанов ничего не рассказал, молчал, как партизан. Хотя этот совет – не дорого возьмет.

Сашка не рвался откровенничать с вожатой. Это было видно по его лицу. Низкий, весь словно собранный из мелких деталей, он вдруг появился около корпуса и предусмотрительно застыл, не дойдя до крыльца нескольких шагов.

– Выпустили? – коротко спросила Алена.

– Выпустили, – Кабанов был столь же лаконичен.

– Что произошло?

– Ничего не произошло.

– А если поподробнее?

– Сначала все спали, потом пришли девчонки, начали бить стекла, Постников решил, что это покойницы к нему лезут, и дал деру. Королев тоже ушел. Все.

– Окно кто разбил?

– Внизу – девчонки. Наверху – от ветра. Сквозняк был сильный. Наверное, Вера Павловна...

– Будь здесь, мы сейчас завтракать пойдем.

– А я уже позавтракал.

– С кем?

– С Кирюшей...

– Они вернулись?

– Они не уходили. Природная аномалия. Телефон не работает, рация не берет.

– Строимся! – гаркнул от крыльца Матвей, так что Алена с Сашкой втянули головы в плечи. – О! Кабанов! Почти все в сборе. Отлично!

Кабанов хмыкнул. Было в его улыбке слишком много знания, которым он не торопился ни с кем делиться. Вожатой захотелось эту самоуверенность немного сбить.

– Держись подальше от Кривоноса, – сообщила Алена. – Что-то вы с ним не поделили.

Сашка с готовностью кивнул. Он был типичным дворовым мальчишкой, которого не пугали подобные угрозы. Наоборот, бодрили кровь: к вечеру опять кто-то окажется в изоляторе.

– Ну что, вернулся?

Зайцева стояла в дверях, отлично зная, что солнечный свет сейчас ее выгодно освещает. Длинные рыжие волосы, улыбка победителя на пухлых губах, довольно прищуренные глаза.

– Вернулся. – Сашка поставил ногу на первую ступеньку, собираясь, как для броска.

– Молодец.

– Ты мне кое-что должна.

– Что же? – сделала бровки домиком Зайцева.

Кабанов кинул взгляд через плечо. Алена не уходила. Вокруг все было слишком странным, чтобы можно было вот так просто отправиться завтракать.

– Поцелуй и дискотеку.

– Может, поцелуй на дискотеке? – начала торговаться Ирка.

– И на дискотеке тоже.

Зайцева фыркнула, перекинула волосы с правого плеча на левое, склонилась, легко коснулась губами Сашкиной щеки. Кабанов поднял руки, собираясь задержать ускользающую Ирку. Но Зайцева сама упала в его объятия, потому что из корпуса вышел страшно злой Кривонос и, пытаясь, как паровоз на старте, потопал к столовой. Успев не только рассмотреть, чем занимались его товарищи по отряду, но и продемонстрировать свое отношение к происходящему.

Сашка обнял Ирку, за что тут же получил внушительный тычок в грудь.

– Дурак! Дурак! Дурак! – несколько театрально и чересчур громко заколотила его кулачками Ирка.

Алена побрела за своим отрядом. Ох уж эти ей цыплячьи влюбленности. Впереди шагали, разбившись на группки, все те, кого она за десять дней успела хорошо узнать. Или не так уж хорошо? Или совсем не узнать?

В ногах – неприятная тяжесть, словно это не девчонки бегали всю ночь, а она носилась под деревьями, пытаясь поймать, сама не зная кого. Призрака? Тени прошлого? Собственные страхи и воспоминания?

День прошел как в тумане. Над лагерем то ли космический корабль завис, то ли комета летела – не работала связь. Никакая: ни сотовая, ни стационарная, даже на рациях шли помехи.

Алену постоянно таскали в кабинет Семеныча. Кирюша косился неодобрительно, точно это она спрятала Королеву у себя в комнате и не выпускает. Моторова бродила анемичной сомнамбулой – успокоительное наконец подействовало. Томочка обнималась с Кузей. Мальчишки перешептывались. Все были похожи на толпу заговорщиков. В небе собиралась гроза. В воздухе пахло озоном. Он рождал тревогу.

Тревога копилась внутри каждого – пока гуляли в лесу перед обедом, пока ели суп, пока делали вид, что спят, пока полдничали и играли на площадке в волейбол.

– Аленочка, миленькая, расскажи, а какие девчонки нравятся мальчишкам, – завела извечный ночной разговор Томочка.

– Разные. Никто никогда не определит, что именно мальчишкам нравится. Разным мальчишкам нравятся разные девочки.

– А ты почему не замужем? – встряла Кузя.

Алена опешила – это было что-то новенькое.

– Почему я должна быть замужем?

– В твоём возрасте я уже давно буду замужем! – с непонятным вызовом сообщила Кузя.

– А правда, – снова вкрадчиво вступила Томочка, – что, у тебя был роман с Кирюшей?

– Был. – Врать не имеет смысла. Об этом все знают.

– Ой, расскажи, а... – заканючила Томочка. Её хлебом не корми, дай послушать истории о любви.

– Что тут рассказывать? Познакомились в лагере, он стал захаживать к нам в корпус по вечерам, чай пить.

– Он тогда был такой же или другой? – вновь встряла Кузя.

Алена задумалась. Это было что-то сродни мифу – пока влюблена, перед тобой прекрасный принц, стоит чувству пройти – действие оборотного зелья заканчивается, и человек превращается в лягушку. А по сути, сам в себя. Каким был Кирюша три года назад? На белом коне, в блестящей броне, со щитом и копьем, а на поясе у него болтались головы поверженных врагов.

– Наверное, он был другим.

И вдруг она вспомнила. Точно! Был совсем другим. Как он шутил, как весело смеялся, как азартно спорил. Тогда его звали Кирюха, и у него еще не появилось этой дурацкой привычки звать всех уменьшительными именами.

– Да, другим! Головой подпирает небо, на правом плече у него держалось солнце, а на левом луна. Он вброд переходил любое море. Когда смеялся, дрожали горы, тучи образовывались, когда хмурился...

Они не сразу поняли. Долгие секунды слушали, открыв рот.

– Ты врешь! – закричала первой Кузя и захохотала. – Алена!

– Все так и было! – смеялась вожатая – очень уж забавные были лица у подопечных.

– Какие горы? Он же, вон, какой невысокий!

Девчонки загалдели. Алена зашикала, замахала руками – вот сейчас ввалится тот самый, с головой в облаках, и обрушит на них гималайские горы.

– Это правда! – Звонкий Анькин голос перекрыл разномастные крики, заставив всех замолчать. – Правда!

– Еще скажи, что твой Королёв небо головой подпирает, – не удержалась от ехидного замечания Томочка.

– Да! Он прекрасен!

На секунду Алена испугалась, что действие успокоительного закончилось и Моторова снова начнет буянить. Но Анька не стала больше ничего говорить, рухнула на кровать и закопалась головой в подушку.

За стеной бубнил Матвей – рассказывал о пользе здорового образа жизни, но мальчишки быстро научились разводить его на разговоры о пиратах и космических пришельцах. Почему-то в НЛЮ Матвей верил и мог говорить об этом часами. Все крупные катастрофы он объяснял инопланетянами. Наверное, так ему было безопасней жить.

На улице смеялись. Это было странно. Курицын четко следил, чтобы после отбоя по территории лагеря никто не ходил. Лично по несколько раз за вечер проверял корпуса, внезапно появляясь в притихших коридорах – от всех дверей у него были ключи.

– А почему вы с ним расстались? – не забыла о своем интересе Кузя.

Перед глазами Алены встала яркая картинка – перекошенное лицо Веры Павловны, ярость Курицына, перепуганные полицейские около детских корпусов, любопытные стайки

ребят. И взволнованный шепот Кирюши: «Ничего не произошло! Ничего не произошло!» Алена отвернулась от своих воспоминаний – до того ей все это было противно.

– Знаешь, как говорят: «Не сошлись характерами».

– В чем не сошлись? – допытывалась Юлька.

Все получилось очень глупо. Длинное застывшее тело под белой простыней. Напряженно молчавший майор. Кто-то должен был взять вину на себя. Кирюха сломался. Стал бубнить нечто невразумительное, что надо лучше следить, что есть режим, что он здесь ни при чем. Хотя «ни при чем» были все.

– Не люблю трусов, – пробормотала Алена и замолчала.

– Это из-за той умершей девочки, да? – прошептала Томочка. – Расскажи, а?

– Расскажжи!

– Расскажжжи!

«Жжжжж, жжжжжж, жжжжжж», – взлетело к потолку.

Можно было встать и уйти, можно было прикрикнуть, что это не их дело. Можно было соврать, что вообще ничего не было, что Лену Канашевич придумали лагерные баснописцы. Но Алене и самой хотелось выговориться, чтобы хоть что-то понять. Может быть, эти девчонки проживут другую жизнь, не наделают глупостей, что-то поймут.

– Она была больна. Ненормальное восприятие мира, когда из-за малейшей обиды человек не может справиться с собой. Когда кажется, что умереть – это как выйти в соседнюю комнату. Что можно вернуться.

– О! Это про Моторову!

Кто Кузю тянул за язык?

– На себя посмотри! – приподнялась на кровати Зайцева. – Ты у меня сейчас тоже раздружишься с жизнью и выйдешь в соседнюю комнату.

Алена встала. Нет, не готова она этим девчонкам сказать правду. А они не готовы ее слушать.

– Засыпайте! Будет время, вы встретите своих принцев и они будут прекрасны...

– С луной на правом плече и солнцем на левом?

Кто спросил, Алена не заметила.

– А с девчонкой-то что? – чуть не свалилась с кровати Томочка от желания услышать ответ.

– Наглоталась таблеток и умерла. Мать потом говорила, что она уже несколько раз пыталась покончить с собой. Неуравновешенная психика. Спите!

Алена вышла, оставив дверь приоткрытой. Они еще будут шептаться, обсуждать день, ругаться и выбирать, кто из парней на сегодня им кажется самым-самым.

Проходя мимо палаты мальчишек, она стукнула в дверь, давая понять Матвею, что с лекциями об инопланетном вторжении пора заканчивать. Что-то наши космонавты пока никаких инопланетян не заметили.

Еле слышное шарканье. Алена успела обернуться как раз вовремя, чтобы заметить тень, нырнувшую за игротеку.

Длинный одноэтажный корпус. Бесконечный коридор с тусклой лампочкой в центре. От этого дальний конец корпуса терялся в мутном сумраке. Стоило около плафона промелькнуть бабочке, тени по углам оживали, начинали шевелиться, вздыхать, вылезать к людям.

– Кто здесь?

Корпус закрыт на ключ. Третий отряд давно спит. Второй еще шебуршится, но свет уже выключен – там среди вожатых строгий Колян, из бывших старожилов лагеря, он может и в лоб дать за шум после отбоя. Первый – как приливная волна: разговоры в палатах то вспыхивают, то гаснут, то всплескивают сдержанным смехом.

– Ты чего?

Матвей шурился после темноты на свет лампы.

Алена обернулась, чтобы увидеть вожатого, и вдруг поняла, что промелькнуло за углом. Это были длинные светлые распущенные волосы. Такие волосы были только у одного человека!

Сердце заколотилось в горле.

– Там кто-то прошел.

– Где прошел? – прогудел Матвей и спокойно направился к выходу.

Надо было разворачиваться и идти за ним. Надо было убедиться, что никакая Канашевич, умершая три года назад, не принялась ни с того ни с сего бродить по лагерю, уничтожая детей.

– Нет здесь никого!

Матвей довольно громко дернул входную дверь – заперта.

Она была очень шумная, эта дверь. Открываясь, неизменно цепляла вторую половинку, грохоча. Бесшумно в нее войти было невозможно. Если ты, конечно, не Курицын.

Вожатый еще раз гроыхнул, потом снова. Но сквозь этот грохот уже стал пробиваться другой звук. Какой-то шум, словно ветер гудит в соснах, осина дрожит от сквозняка, вода льется.

– Там дождь пошел?

Окна в палате девочек были открыты, и вроде бы никакого дождя Алена не заметила. Надрывался зяблик. Смеялись ребята. Успели набежать тучи?

– Нет дождя.

Матвей пошел обратно. Казалось, от его спокойствия вокруг становится светлее, даже блеклая лампочка в середине коридора прибавляет себе с десятков ватт.

Вода продолжала литься уже внутри корпуса. Кто-то принимал душ. Это могли быть вожатые – дети давно лежали по своим кроватям. Конечно вожатые! Алка или Каринка. А может, и Коля пошел освежиться – вода льется в мужском душе. Или Макс.

– А кто пошел в душ? – как можно более невинно спросила Алена.

Матвей тоже слышал.

– Пацаны воду не выключили. – У Матвея всегда все было просто и понятно.

Алена выдохнула. Чего она испугалась? Сама себе напридумывала страстей. Конечно, это просто не выключили воду. Мальчишки – балбесы.

Матвей распахнул дверь душа.

Не закрыта! Все правильно! Надо вставить этим оболтусам. Первый отряд в душ шел последним...

– Ну здравствуй! – глухо произнес Матвей, и вода литься перестала.

Алена поперхнулась воздухом и, чтобы не упасть, привалилась плечом к стене.

Глава третья

Ничего не произошло

Ветер свирепо рвал листву. Сонали сосны. Пыль с дорожек взлетала, как после работы старательного дворника, и носилась по воздуху. Колючие песчинки попадали в глаза. Хотелось чихнуть.

– Дождь будет, – раздалось из темноты.

Кабанов выпрямился, сплевывая с губ травинку.

– Дождь – это хорошо, – нехотя отозвался он.

Новый порыв ветра толкнул его в грудь, заставив покачнуться. Он уцепился за куст магнолии. Захрустели ветки.

– Чего звал? – Сашка изучал добычу – ветку с цветком. Не подарить ли ее Зайцевой?

– Хочу отправить тебя обратно в изолятор, – выступил из сумеречного подлеска Кривой.

Юрка Кривонос терпеть не мог ни свою фамилию, ни кличек, которыми его постоянно награждали. С обидчиками он дрался, нападая без предупреждения, до того, как любитель коверкать имя догадывался, что поступил опрометчиво.

– Был честный спор. Завтра дискотека. – Сашка безжалостно смахнул с отломанной ветки и цветок, и листья, похлопал получившимся хлыстиком по ноге, проверяя.

– Вот завтра ты и ляжешь в изолятор. Выбирай, что тебе лучше сломать – ногу или руку?

Кабанов еще шире растянул губы в ухмылке.

Кривой весь вечер цеплялся к нему, подсылал своих гвардейцев, и Сашка сам назначил ему встречу – около въездных ворот, подальше от корпусов и полуночникающих взрослых. Он знал, на что шел. Только драка могла разрешить их спор. Ирка привлекала внимание многих, выбрала – его. Но это надо было еще доказать.

За спиной у Кривого зашептала гвардия. Чиркнула зажигалка.

– Покурим? – добродушно предложил Кривой, делая шаг вперед и выплевывая листик, который он до этого жевал.

– Курить – здоровью вредить. – Сашка не шевельнулся. Кривой сокращал между ними расстояние, собираясь напасть.

– О здоровье беспокоишься?

Юрке очень шла его фамилия. Он был сплошным нарушением законов гармонии и симметрии – улыбался криво, обнажая невероятно кривые зубы.

– О твоём!

Кабанов сделал выпад, хлестнул противника прутиком по лицу. Юрка прикрылся руками, и Сашка пнул в его открытый живот, махнул ногой, целясь в колено. Но Юрка уже отскочил в сторону, встряхиваясь, как собака. Гвардейцы за его спиной стояли немим строем. Это была не их драка.

– Вот какой у нас разговор пошел, да? – заводил сам себя Юрка. – Значит, поговорим! – Он шагнул вперед, заставив Кабанова отступать. – Чтобы завтра к Ирке близко не подходил!

– А ты у нее спросил, чего она хочет?

– Обойдусь без ее мнения! Я сказал! Да ты и не подойдешь! Только если на инвалидной тележке подъедешь.

Они врезались друг в друга, сопя, наседая, наваливаясь. Замелькали белые руки. Свистел прутик. Но Кривой не сдавался – попадало больше по куртке и штанам.

– А вы все курите?

Сашка резво отступил, заставив Кривого дернуться, в попытке удержать равновесие.

– Больше не будем, – тяжело выдохнул Кабанов, поворачиваясь к вышедшей из темноты Ирке.

– Не будем, – кивнул Кривой, с размаху насаживая Сашку под дых на кулак. Когда Кабанов согнулся, другой рукой Юрка съездил ему по лицу. Сашка охнул, опрокидываясь на землю. – Ты сюда зачем пришла?

Зайцева равнодушно проследила за перемещением Сашки в пространстве.

– Там Королев объявился.

– Ходок, – Кабанов вытер окровавленные губы.

– И чего? – Кривой лениво погладил кулак.

Ирка выдержала приличную паузу, словно оценивая – достойны ли ответа находящиеся рядом с ней.

– Ничего. – Слова она отвечивала скупой. – Никого не узнает. Как вышел из изолятора, не помнит. Где был – тоже.

– Во заливаает, – восхитился кто-то из гвардейцев.

– Врет небось, – лениво приговорил Лешку Кривой. – А ты чего одна? Твоя подруга где?

– В палате плачет. Лешка и ее не узнает. Говорит, первый раз видит.

– Во дает, – снова подали голос гвардейцы.

– И где он сейчас?

– Его вожатые чаем отпаивают. За старпером отправили, начальником. Вот я и пришла на вас посмотреть.

– Ну и как? Посмотрела?

Кривой все наступал. Он хотел отеснить Зайцеву от Кабанова, заставить смотреть только на него. Но Ирка на все его ухищрения только презрительно хмыкнула, отворачиваясь.

– Насмотрелась уже! – Она склонилась над Сашкой. – Отдохнул? Вставай. Пошли!

– Куда?

– На кудыкину гору. – Ирка вдруг перестала улыбаться, словно что-то услышала. – Начальника звать.

Сашка сплюнул красную слюну и легко поднялся с земли. Зайцева демонстративно подхватила его под локоть, смахнула с плеча прилипшие хвоинки. Бросила застывшему Кривому:

– А кое-кому спать пора. А то вас ругать будут.

– И вы не задерживайтесь, – Кривой подпустил в голос металла. – Побейте там. До административного корпуса и обратно.

– Ничего, справимся, – не сдержалась Ирка, хотя понимала: надо молчать. Умный не тот, за кем последнее слово, а кто вовремя остановился. – Без советчиков.

– Ну конечно, вы же люди ученые. – Голос Кривого зазвенел. – А умеючи – это долго.

Кабанов дернулся было, но Ирка держала его крепко.

– Потом пошумишь, – процедила она сквозь зубы.

Сашка тяжело задышал. Он не привык, чтобы им командовали. Но второй раз проиграть драку на глазах у Зайцевой – не лучший вариант.

– Как ты нас нашла? – Сашка еще не совсем пришел в себя после поражения, хлюпал носом, боялся глубоко вздохнуть, чувствуя неприятную боль в ребрах.

– Чего вас искать? Вы топали по коридору как слоны.

– Я в окно вылез.

– Значит, Кривой топал.

– Он тоже через окно.

– Значит, кто-то еще топал, – не сдавалась Ирка. – Какая разница! И так было понятно, что вы чудить начнете.

– Это из-за моего выигрыша, – с вызовом произнес Сашка.

Ирка остановилась. Сейчас она была невероятно красива, словно соткана из лунного света. Серебристая футболка, серые джинсы, пепельно-рыжие волосы. Ладони у Кабанова вспотели. Ему захотелось зажмуриться.

– Ну так получай свой выигрыш.

Он, наверное, все-таки зажмурился. Потому что не увидел, как Ирка к нему приблизилась. Почувствовал: холодные губы коснулись щеки, иголки льда обожгли губы, как будто и правда сосульку приложили. Вот тогда-то он глаза и распахнул. Лицо Зайцевой при лунном свете оказалось неприятно-синюшного цвета, глаза странно-белесые, а волосы – светлыми. Она отодвинулась от него, растягивая темные губы в улыбке.

Это была не Ирка. Маленькое личико, маленький носик, маленькие глаза. На лоб падает челка. Волосы светлые, перекинуты через плечи, и видно, что они короче Иркиных – по грудь.

– Любишь? – прошелестело явление и начало поднимать руку, слово собиралось схватить Сашку и утащить... Куда? К чертям?

– А! – шарахнулся Кабанов. Боль в ребрах от резкого крика стрельнула по телу, врезалась в затылок, вялой каплей стекла в пятки.

– Ты чего орешь?

Зайцева так и стояла в нескольких шагах от него, лунный свет целовал ее макушку.

– Только что!

Кабанов завертелся, борясь с желанием присесть. Колени подламывались, но он силой заставлял их держаться. В щеке и губах ощущался холод. Он с яростью провел ладонью по лицу. Иголки льда впивались в кости, холодным ознобом пробежали по телу. Сашка сильнее потер щеку. Захотелось умыться. Сунуть голову под горячий душ. Нет, лучше стянуть кожу, встряхнуть, вывернуть наизнанку и натянуть по новой.

– У тебя чесотка началась? – скривилась Ирка. – Целоваться будем?

Кабанов вздрогнул, вглядываясь в Зайцеву.

– В следующий раз, – прохрипел он. – На дискотеке.

Ирка обиделась. Улыбка ее стала жалкой, бровки встали домиком. Даже лунный свет споткнулся над ее макушкой и выключил колдовское сияние. Вокруг разлилась ночь. Самая обыкновенная. Без фантазий.

– Тогда пошли, – вздохнула Зайцева, сутулясь. – Нам до начальника и обратно.

Она захрустела кустами, выбираясь на дорожку. Кабанов стоял. Душ! Срочно! И три литра одеколона на лицо.

– Ты со мной?

Умыться. Прямо сейчас.

– Иду.

Сашка оторвал ноги от земли, почувствовал, какими они стали деревянными, и неловко зашагал к Ирке.

– Что с тобой?

– Ты ничего не видела?

– Видела. Тебя. Как ты стал прыгать и орать.

– Тут девчонка какая-то...

– С синим лицом?

Он на мгновение обрадовался – Ирка тоже видела эту кикимору, ничего ему не показалось... Но Зайцева уже состроила презрительную мину.

– Хорошо заливать. Покойницы ему видятся. Как в изоляторе лежали, так шарики за ролики заскочили. Еще скажи, что ты теперь боишься идти в административный корпус, потому что там умершая девчонка.

Кабанов остановился. Они прямым ходом направлялись к изолятору, где на втором этаже...

– А разве Семеныч у себя в кабинете?

– Не у себя, так дома. Все равно нам в эту сторону.

Зайцева все шла и шла вперед, и даже не шла, а плыла по дорожке. Вокруг нее вился теплый воздух. Кабанов проморгался, прогоняя идиотское видение. Все-таки Кривой ему здорово врезал по голове, глюки начались.

– Ты там примерз? – из странного далека поинтересовалась Зайцева.

Или опять не Зайцева? Потому что ему временами казалось, что это все-таки не Ирка. Она словно начинала двоиться. Вот идет она, длинные волосы шлейфом струятся по спине, легкие пряди взлетают от движения. То это уже не она, а кто-то в темной футболке и юбке, волосы короче и совсем не развеваются.

Душ! И шоколадный батончик. Переутомился он сегодня.

Не Ирка смотрела на него, протягивала руку. Они уже были около административного корпуса. На втором этаже в знакомой палате горел свет. В соседней тоже. Сашка знал, что если он посмотрит на окна, то увидит в них... кого?

Просто умыться. Это быстро.

– Я сейчас!

Сашкино тело вдруг стало легким, как воздушный шарик.

– Быстренько схожу и вернусь!

Он помчался. Может, за ним и гнались, но он был быстрее. Галопом проскакал по дорожкам, поднырнул под свисающие ветки акации, рванул дверь корпуса.

Вожатый Матвей стоял в холле невозмутимым памятником. В первую секунду Кабанов замешкался – будут ругать, потянут на разборку...

– Вы позвали Семеныча? – спокойно спросил вожатый.

И тут Сашка понял, что всю дорогу почти не дышал. Воздух колом застрял в горле. Захотелось как следует продышаться. Боль в ребрах отправилась по уже отработанному маршруту.

– Он идет, – с трудом выдохнул Кабанов и юркнул налево за угол, где были душевые.

Нет, его никто сейчас не мог догнать. Ни одна живая душа.

Живая...

Намылил руки. Смыл. Намылил еще раз, взбил как можно больше пены и стал тереть лицо. Щеку – до скрипа. Губы – пока не начало щипать. Намылил. Кожа издавала под его пальцами неприятное попискивание.

Снять кожу, встряхнуть, вывернуть, надеть.

Коридор наполнился звуками шагов – пришел Кирюша. Кабанов проскочил за его спиной, на цыпочках пробежал через палату к угловой койке под окном. Конечно, никто не спал. Стонали кровати, шуршали одеяла. Неприятным горохом сыпалось на пол: «Чччто там?», «Чччто?», «Ччччч».

Сашка полез в свою тумбочку. Добра у него немного. Главное достояние – «Тройной» одеколон. Мать дала, от укусов комарья и мошкары мазаться. Самое время применить.

Щедро ливанул резко пахнущей жидкости в ладонь и – как делал отец после бритья – махнул по всей щеке.

Адская боль, словно и правда снимают кожу, холодом вонзилась в скулу. Представилось страшное – щеки больше нет, остался жуткий провал, как бывает у зомби в фильмах ужасов.

Кабанов застонал, принялся тереть щеку подвернувшейся чистой футболкой, из той же самой тумбочки добытой. Стало еще больнее. От запаха закружилась голова.

Горох застучал пулеметной очередью: «Тттты чччего?», «Тттты ччччего?», «Тттттт!». Вспыхнул свет.

– Ну вот, уже и Кабан свихнулся, – добродушно заметил Кривой, непонятно каким чудом уже лежавший под одеялом. Словно и не ходил никуда.

Сашка сидел на кровати, зажмурившись, прижимал к лицу футболку, пытаясь сдержать слезы. Плакать хотелось нестерпимо – от боли, от унижения, от осознания того, что совершил какую-то непоправимую ошибку.

– Саша! Что с тобой?

Вожатая Алена отрывала его руки от лица. Кабанов сопротивлялся. Сопел, закусывал губы, постанывал. Но бой за футболку он проиграл.

Кривой присвистнул:

– Ничего себе, поцелуй. Она тебя покусала? А говорили, умеючи...

– Ты что, одеколон пил?

Сашка поднял глаза. Алена была в ужасе. Она смотрела на ярко-красное пятно, расплывающееся на щеке Кабанова, на страшные опухшие губы.

– Пошли!

Кабанов сдался. Ему вдруг стало все равно. Он поднялся и побрел за вожатой в коридор. Футболка упала, запуталась в ногах.

Закуток вожатых – короткий коридор с выходом в две палаты на три кровати – был ярко освещен, туда-сюда ходили. Взъерошенный Королев с еще мокрыми после купания волосами сидел в комнате девушек за столом, на котором было все, о чем они только могли мечтать по ночам. стакан горячего крепкого чая, сквозь прозрачные стенки видно, как опадают, тая, щедрые куски сахара, россыпью печенье, пряники и конфеты, на тарелке нарезанные шматы вареной колбасы и куски белого ноздреватого хлеба с палец толщиной. При виде такого великолепия Кабанов забыл о своих печалях. По вечерам от голода они жевали какую-то кислую траву, растущую вдоль забора. Она цвела красивыми крупными цветами, похожими на колокольчики. От такого жевания приходила не сытость, а тупое равнодушие, голова дурела. А здесь...

– С этим что? – Карина, вожатая второго отряда, перестала кромсать сыр.

– Что с тобой? – растерянно спросила Алена, которая привести-то Сашку – привела, но ничего не успела узнать.

– Меня покойница поцеловала, – сам не заметил, как признался Кабанов.

Королев, сильно дернув плечами, фыркнул и, заваливаясь назад всем телом, громко расхохотался.

– Нет, ну вы, дорогуши, издеваетесь! – приподнялся на своем месте Кирюша.

– Что у вас происходит? – негромко спросил появившийся на пороге Семен Семенович.

– Ничего не происходит, – прогудел у него за спиной Матвей. – Все в порядке. Как всегда.

– А почему у вас пахнет одеколоном?

Лешка последний раз булькнул и затих. Карина выронила нож.

– Я вам больше не нужна? – Королевой выступила из коридора Зайцева. От взгляда, которым она наградила Кабанова, Сашке захотелось провалиться сквозь землю.

– Иди, попей чаю, – пригласила Карина Ирку, а сама вцепилась в Сашкину руку. – Все нормально, – пробормотала она, вплотную подходя и обдавая незнакомым сладковатым запахом. У Сашки который раз за сегодняшнюю ночь закружилась голова. – Нормально, – врала Карина. – До свадьбы заживет. Ничего не произошло. Пойдем.

И утащила его в соседнюю палату, где на кровати спал вожатый третьего отряда Макс. От включенного света он даже не шевельнулся.

* * *

– Вот ведь дурак, а? Дурак! – Карина щедро мазала лицо Кабанова кремом. – Как маленькие, честное слово! Сколько раз ты мылом умывался?

– Раза три. Не помню.

Щипало немилосердно. Кабанов уклонялся. Но руки вожатой работали быстрее.

– Не шевелись! – шлепнула она его по губам. – Сейчас все пройдет. Ты всю защиту с кожи содрал, а потом еще спиртом прижиг. Конечно, опухнешь! Что у тебя с лицом произошло, ты мыться побежал? В паутину, что ли, влетел?

Это был выход! Кабанов уцепился за спасительные слова.

– Да, паутина. И паук там такой...

– Первый отряд, а пауков боитесь, – добродушно хохотнула Карина. Невысокая, полноватая, с черными густыми волосами, черными быстрым глазами – все у нее было легко и просто. – Сиди. Крем впитается, я уберу лишнее. И на солнце завтра не выходи. С таким лицом только в изоляторе сидеть.

При упоминании изолятора Сашка напрягся.

– А там правда кто-то помер?

– Что вы вдруг всполошились? То девчонки меня два дня назад пытали, то теперь вы. Ну, была там какая-то ненормальная. Таблетками отравилась. И что с того? Некому здесь ходить. Ее давно закопали и плиту каменную сверху положили. Вам кто-то про нее рассказал, вы перепугались. Вот и мерещится теперь в каждом кусте покойник. Нет никого. Все мирно. Обыкновенная смена. Жарко немного. Может, вам всем головы напекло?

Сашка мотнул челкой, почесал щеку о плечо, смазывая крем.

– Глупые! – Карина лучилась добродушием: стерла ему с футболки крем, взлохматила волосы, даже по носу щелкнула. – Не хватает вам в жизни приключений! Надо в поход сходить, развеяться. Пойдем, чаю попьем. Когда поешь, мысли хорошие в голову приходят. Кормят вас, наверное, плохо, вот и воображаете себе всякую ерунду.

Кабанов во всем с вожатой соглашался, особенно про еду – жрать хотелось всегда немилосердно. Карининой любви сейчас было так много, что он готов был держаться за нее, лишь бы не оказаться опять в своей палате, где с этим чувством было негусто.

Они вышли в короткий коридор и тут же столкнулись с тихо воющей под дверями комнаты Моторовой.

– Королев, – скулила она. И скребла ногтями стену. – Королев...

– Слушайте, вы сегодня какие-то буйные, – всплеснула руками Карина, впуская очередного обитателя первого отряда во владения вожатых. – Вы какой травы коллективно нажевались? Или горелых спичек нанюхались? Одного покойники целуют, другая с ума сходит от любви.

Аня бледной тенью просочилась в дверь девичьей комнаты. Навстречу ей шагнула врач Вера Павловна.

– А это что за привидение? – грозно произнесла она.

Вера Павловна все делала грозно, иначе ее перестали бы воспринимать всерьез. Даже для невысокого человека она была маленькая. Не карлик, но с каким-то дефектом в строении костей. Сильно сутулая. На носу толстые очки. Неизменный белый халат. С коротконогой Моторовой она была одного роста.

– Что? – сурово сдвинула брови Вера Павловна. – Очередная истерика? – Она так резко сунула руки в карманы, что нитки халата затрещали. – Пьем глицин, прибавляем усиленный

прием витаминов. И как можно меньше бывать на солнце. Да! – потрясла она перед собственным носом сжатым кулачком. – И побольше движения.

– В поход! – подсказала ей Карина.

– В поход! – припечатала Вера Павловна. – Завтра же выпишу для всех разрешение. И чтобы послезавтра вас здесь не было!

Маленьким решительным ураганчиком она вылетела в коридор.

– Королев... – прошептала Аня, делая робкий шаг к столу.

Лешка мирно спал, заботливо прикрытый розовой кофтой. Услышав свою фамилию, он немного поворочался, ткнулся носом в покрывало, вздохнул и провалился в тот самый блаженный глубокий сон, что приносит нам сновидения.

– Завтра все пройдет, – грубоватым голосом произнесла Зайцева и стала выбираться из-за стола. Судя по фантикам вокруг ее чашки, второй ужин прошел успешно.

– Не стойте, – подтолкнула ребят Карина. – Вон место освободилось, проползайте. Сейчас чайник вскипит.

Кирюша недовольно нахмурился.

– Все ваши проблемы – от панибратства, – строго произнес он. – С детьми надо держать дистанцию.

– Вот ты и держи, – огрызнулась Алена. Она сидела на кровати рядом с Королевым и осторожно гладила его по голове.

Старший вожатый вскочил, заставив стол с грохотом отодвинуться. Лешка завозился, дернул левой ногой, но глаза не открыл.

– Если ты такая умная, то пиши объяснительную, где твои дети были весь этот день. Он, – вожатый показал на Королева. – И вот этот ночью, – он кивнул на пристроившегося с краю Кабанова.

Сашка вдруг почувствовал страшный голод. Драки драками, увечья увечьями, а подкрепиться никогда не повредит.

– И вообще, как я посмотрю, – вещал Кирюша, – у тебя слишком вольные нравы в отряде. Как бы не начались повторения!

Он выразительно посмотрел на шмыгавшую носом Аню. Она тихим ангелом стояла у стола и с блаженной улыбкой смотрела на спящего любимого.

Алена стремительно побледнела, взгляд ее стал тяжелым.

– Да какие уж тут повторения... – хрипло ответила она.

– Дурдом! – с чувством произнес старший вожатый.

То ли взгляд, то ли слова, то ли бульканье чайника (а электрические приборы в корпусах держать было категорически запрещено) – словом, что-то погнало Кирюшу сначала из-за стола, потом из комнаты, из коридора, из корпуса, и гнало дальше, пока не отпустило перед его каморкой в домике для обслуживающего персонала. Определенно, этот год для него – последний в лагере. Хватит.

Алена тихо вытирала слезы, Карина резала толстые куски хлеба, Кабанов уплетал третий бутерброд, абсолютно забыв и про свои страхи и про свою боль. Часть крема у него смазалась, оставшееся он сейчас стирал жадно уплетаемыми бутербродами. Осоловевшая Моторова стояла около стенки и безотрывно смотрела на спящего Королева. Зайцева сидела на кровати у себя в палате и зло буравила взглядом выбранную точку под ногами. Кривonos крепко спал, причмокивая и прихрюкивая разбитым носом. Вернувшийся домой начальник Семен Семенович склонился над раскрытой тетрадью, куда заносил все лагерные расходы за день. Матвей у себя расправлял кровать. Все было спокойно. Ничего такого не произошло.

Глава четвертая

Про любовь и нелюбовь

Наутро Зайцева в сторону Сашки не смотрела. Сидела в беседке, сушила свои роскошные волосы на солнце, улыбалась Кривоносу, шутила с Лешкой, который все еще пребывал в счастливом неведении относительно своих вчерашних блужданий, – и все. Сашки для нее не существовало! Моторова спала на лавочке – всю ночь она продежурила около любимого, и утреннее солнце ее сморило.

Кожа на Сашкиной щеке облезала, губы шелушились. Опухоль спала – и на том спасибо, но в остальном все было плохо, плохо, плохо!

Увидев впервые его «красоту», Зайцева многозначительно хмыкнула. Даже как будто процедила сквозь зубы: «Так тебе и надо!» Больше Сашке не было оказано ни малейшего внимания. Сначала он ходил кругами, надеясь поймать взгляд Зайцевой, потом плюнул. В конце концов, не он затеял всю эту игру с поцелуями и влюбленностями. Ирка первая неделю назад на дискотеке повисла у него на шее. А теперь, видимо, любовь прошла, завяли помидоры. И нормально! И без нее проживет. Задевало одно – ее улыбки Кривому. Вот уж кому Сашка точно не простит, так это Юрику. Если она начнет ходить с ним... Если она... Дельных мыслей в голову не приходило, в груди клокотала злоба. Натравит на отряд покойницу, пускай каждый со своей отметиной походит. Надо дожидаться вечера, забраться в изолятор и обо всем договориться с призраком. А он, то есть она, там есть, Сашка в этом не сомневался.

Кривой расположился рядом с Иркой и активно поддакивал. Перешагнув через гордость, Кабанов забрался на перила беседки и сделал вид, что сидит здесь вместе со всеми, завтрака ждет. Тут народу – половина отряда. Пускай не думают, что он подслушивает. Он со всеми тусуется.

– Если покойница и существует, то она всех запикивает обратно в изолятор, – вещала Зайцева. – Лешке память отбило, Кабанова лишай прострелил. – Сашка сделал вид, что этого не услышал. – Осталось еще кому-нибудь на дискаче ногу сломать, и в палате опять будет полный комплект.

– Со мной, – вырулил из небытия Постников, – со мной ничего не случилось! – Он одарил всех лучезарной улыбкой. – И в эти сказки я не верю.

– Пося, все, что могло, с тобой уже случилось, – ласково произнес Кривой. – Там лечить нечего.

– Чего это у меня лечить нечего? – мгновенно обиделся Валя. – У меня всегда есть, что лечить. Как и у других.

– Ну... тогда ты первый клиент в гости к покойнице, – улыбнулся, а вернее, скривился Кривой. – Она тебя ждет.

– Чего это меня ждет? – засуетился Постников. – Она, вон, Королева выбрала. Отоспался, теперь снова к ней помчится.

Лешка моргнул раз, другой и уже собрался подняться, чтобы на деле выяснить, кого конкретно ждет покойница, но на его плечо легла Иркина ладонь.

– А кто это ей нашего Королева отдаст? Нет, он мне нужен. А вот ты, Пося, кому нужен?

Сначала она пронзила Валью холодным взглядом, а потом резко приблизилась к Лешке и поцеловала его в губы. От неожиданности Кабанов чуть не навернулся со своего насеста. Улыбка Кривого превратилась в злобный оскал. Один Лешка расцвел от внезапно привалившего счастья.

Валька оскорбился. Он шмыгнул носом, воинственно сощурился, и спокойно ответил:

– Я сам себе нужен. А вот ты кому будешь нужна, когда смена закончится?

И отступил на шаг.

– Ну ты, парень, нарвался! – Кривой легко перескочил через высокий бортик беседки.

– О! – Матвей остановил несущегося мимо него Кривого. – Голодный? Хорошо. Строимся завтракать! Для тех, кто еще не знает – завтра мы идем в поход к месту падения самолета с первым космонавтом. Двадцать пять километров пешком туда, обратно на автобусе. Кто не хочет идти, отправляется на весь день в изолятор для гуманитарной помощи.

– Для какой помощи? – не расслышал Постников.

– Гуманитарной, придурок! – процедил Кривой, останавливаясь за его спиной. – На органы разберут, а обратно не соберут. Или соберут, но не тебя.

– Да? Тогда я в поход! – заторопился Валя.

– Если дойдешь...

Потеряв в лице Кабанова соперника за внимание Зайцевой, Кривой с явным удовольствием накинулся на безобидного Постникова.

– За собой следи! – храбро отбивался Валя.

– Готов поспорить на то, кто первым окажется в изоляторе, – напирал Кривой.

– Было бы о чем спорить, – не сдавался Постников.

– А вот и посмотрим!

– Вот и посмотрим!

– Посмотрим!

Переругиваясь, они плелись в хвосте растянувшейся колонны.

Проснувшаяся Моторова сидела на лавочке и смотрела, как ее лучшая подруга Ирка Зайцева идет к столовой под руку с ее любимым Королевым. А Кривой мирно вышагивает рядом с Посей.

Мир рушился.

Аня медленно откинулась на стенку беседки и закрыла глаза. Она проспала что-то важное. Прилетели инопланетяне и сообщили, что мир будет другим, что все станут ходить на головах, а питаться одним мороженым. Что небо скоро приобретет приятный зеленый цвет в фиолетовую крапинку.

Моторова потеряла глаза, понимая, что это бред. Просто надо было найти ту петельку, что вдруг выскользнула из-под спицы и побежала вниз, распуская вязание. Аня даже пальцами пошевелила, словно у нее в руках были волшебные спицы, что творили полотно реальности, в котором вдруг оказалась дырка.

Лешку Королева она заметила еще около ДК, где собирались счастливые обладатели путевок в детский оздоровительный лагерь «Радуга». Высокий, красивый, с независимым видом он стоял у ступенек и с легкой улыбкой смотрел вокруг – на суету, беготню, крики и внезапные слезы малышни.

Заметив Анькин восторг, подруга Ира презрительно фыркнула и прямым ходом пошла знакомиться. Они обе стояли рядом с Лешкой, когда начали подходить ребята – его друзья по первой смене, по прошлым годам. Они оказались рядом в автобусе, и когда Алена запела всем известную песню про Ассоль, Королев первым положил Ане руку на плечо, и она вместе с ним стала раскачиваться в такт веселому мотиву, подпевать, счастливо закатывая глаза. Утром он первым поздоровался, первым подошел к ней на дискотеке, даже осторожно поцеловал ее в щеку во время медленного танца. Он дал ей тетрадь с отрядными песнями, где среди знакомых текстов обнаружилось неожиданное – его стихи. За десять дней Моторова влюбилась в Королева окончательно и бесповоротно. И как-то само собой подразумевалось, что и она ему тоже нравится – он никогда не отказывался с ней поболтать, они вместе сидели в столовой, он всегда отдавал ей свои котлеты, потому что терпеть их не мог, и с удовольствием забирал ее макароны и хлеб с маслом, которые обожал.

Объяснения, лишние слова – к чему все это, когда и так ясно, что это ЛЮБОВЬ! Он не возражал, когда она ходила к нему в изолятор, забрасывала на второй этаж конфеты. Он все это с готовностью принимал. Значит, все было понятно. А теперь – что же? Все непонятно?..

Стало холодно. Аня зябко обхватила руками плечи. Лето превращалось в осень. Отряд ушел. Она осталась одна.

В голову не приходило ни внятного объяснения, ни четкого решения. Было только немного обидно, что жизнь закончилась. Что будет дальше – неважно.

– Со мной тоже так было!

Откуда взялась эта девчонка? А впрочем, все равно... Взялась и взялась. Сидела в дальнем углу беседки, в тени, откинув голову, так что ее и разглядеть толком не получалось. Темная футболка и темная юбка до колен. На ногах белые спортивные тапочки. Светлые волосы перекинута через плечи, прикрывают грудь.

– Мы даже целовались. А он потом взял – и стал гулять со Славкой. Ага, ага, – торжественно закивала незнакомка. – Прикинь! У нее, типа, подруга была, Зиночка, конопатая такая. У нее, типа, что-то с Петюней было. А Славка возьми да начни на этого Петюню наезжать. Короче, ругались они, ругались, а потом целоваться стали. Прикинь! Зиночка – к моему Пашке, они вроде как с Петюней дружки. Ну, тот и вставил Петюне по первое число. Славка только и успевала за йодом да за зеленой бегать. А потом я смотрю, а она уже никуда не бегают, а ходит под ручку с моим Пашечкой. Прикинь? – Незнакомка попыталась включить Моторову в разговор, но ответа не получила. – А еще умереть со мной вместе собирался... – И четко выговаривая каждую букву: – Предатель! Знаешь, что бы я делала со всеми, кто говорит, что любит, а потом бросает?

– Что? – бесцветно переспросила Аня.

– Убивала бы!

Аня опустила глаза. Это выход. Убить... Только не Королева. Она слишком его любила, чтобы причинить вред.

– Я бы их всех, всех убила! – с неожиданной яростью произнесла незнакомка. – За то, что не любят, а врут, что любят!

Принявшая решение Анька выпала из транса самобичевания и внимательно взгляделась в собеседницу.

– А ты откуда? – задала она вполне резонный вопрос. Первые три отряда жили в одном корпусе, и за десять дней лица более-менее примелькались. Эта же девчонка вроде как была знакома Аньке, но не по отрядным делам. Где же она ее видела? Дочка кого-нибудь из обслуживающего персонала? – Ты кто?

– Я из первого, – голосом заговорщицы сообщила незнакомка и вдруг скривила лицо, как будто килограмм лимонов за раз проглотила. – А вот и вожатая, – последнее слово она произнесла с хрипом, выдавливая его из себя, как отраву.

Алена шла по дорожке, с тревогой поглядывая по сторонам. Даже под кусты смотрела.

– Аня! – всплеснула руками вожатая. – Господи! Как ты меня напугала! Ты где затерялась? Все сидят, тебя нет! Хватит уже пропадать. У меня от ваших пропаданий голова кругом идет. Ты чего здесь сидишь?

– С новенькой болтаю. – Видеть Алену было неприятно, словно она чем-то провинилась перед Моторовой. – Из нашего отряда.

– С какой новенькой?

Последние метры до беседки Алена пробежала, но все равно опоздала. Новенькая успела уйти. На полу остались только следы от ее тапок.

Алена пощупала Анин лоб, посмотрела в глаза.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – осторожно спросила она. – Почему ты не пошла в столовую?

– Я не хочу есть, – отстранилась Аня.

– Может, отвести тебя в изолятор?

Моторова посидела, чуть раскачиваясь, решая про себя сложную загадку жизни, а потом вскочила, словно ее сзади кольнул кто.

Ей вдруг показалось, что все это глупость и наваждение. Что Королев не мог так поступить. Ей все привиделось. Или кто-то коварный внушил ей все это?

– Нет, я не пойду в изолятор, – улыбнулась Аня своей лягушачьей улыбкой. – Я пойду в столовую. – Она представила, как войдет в гулкий, пропахший едой домик, услышит множество голосов и на привычном месте увидит Королеву. На завтрак всегда дают хлеб с маслом. Надо поделиться им с Лешкой. – А это правда, что мы завтра идем в поход? Возьмут всех?

– Всех.

Алена проводила Моторову очень внимательным взглядом. Анечка, конечно, девочка странная, еще и выглядит чудновато. До недавних пор ее чудачества развлекали, а теперь начали пугать. И не только в ней была проблема. Обе палаты первого отряда словно попали под воздействие магических сил, и все немножко сошли с ума. А если так, небольшая прогулка им точно не повредит. Кстати, надо зайти в изолятор за справками, потом к Семенычу за продуктами и к физику за инвентарем. Заглянуть в Интернет, узнать, какая завтра будет погода, и проверить обувь. А то ее красавицы отправятся на прогулку в босоножках или в туфельках на каблуках. С них станет.

– Обувь проверь, – буркнула Вера Павловна, не поднимая головы от своих бумаг. – И пластыря возьми побольше. Крем от ушибов и натертостей. Вон аптечка лежит, я тебе все собрала. Бери список, там почти у всех разрешение. Покажешь Курицыну, пусть подпишет. И чтобы у всех были головные уборы. В лесу клещи, на открытой местности солнце. Купаться запрещено. Но купальники возьмите. Не будут же они у тебя голышом в речку нырять. Места для купания тебе наш спортивный комментатор покажет. Ну, чего застыла?

Еще бы не застыть! Алена держала в руках список, и в душе у нее рождалось нехорошее предчувствие новой беды. Напротив фамилий стояло магическое слово «разрешено» и не менее магическая закорючка. И только в четырех строчках значилось трагическое «отказ».

– А почему этим нельзя? – ткнула Алена в список пальцем. – Им как раз было бы хорошо проветриться. Мы, можно сказать, из-за них и идем.

– День из изолятора! Нервный срыв! Мать моя, ты хочешь их угробить?

Слово «угробить» неприятно кольнуло. Оно скользкой ящерицей шмыгнуло по телу и скрылось под плинтусом. Алена осторожно подняла голову. Она хорошо помнила этот кабинет. В нем постоянно пахнет резким нашатырным запахом, в трещинках на потолке как будто застрял чей-то крик.

– Почему угробить? Наоборот, спасти. Им надо уйти из лагеря.

Вера Павловна вопросительно посмотрела на вожатую поверх очков.

– Мать моя, а не пропить ли тебе курс глицина? Что-то вы тут все нервные стали. Два года прожили тихо-мирно и вдруг перевозбудились. С тобой-то что, мать моя?

– Ничего, – Алена медленно сложила листок, провела пальцами по сгибу. – Ребята говорят, что видели здесь Канашевич. Моторова и Зайцева в лагере в первый раз. Королев пятый, Кабанов второй. Постников впервые. Почему она выбрала их?

– Мать моя... – Вера Павловна отложила ручку. – Ты это серьезно?

– Полчаса назад Моторова разговаривала с новенькой из первого отряда.

– Какой новенькой? – всполошилась врач, закапываясь в бумаги. – Мне никто не приносил обменную карту...

– У нас нет новеньких. Новенькой была Канашевич. Она приехала через три дня после начала смены.

Маленькая ладонь с пальцами, унизированными перстнями, грохнула о стол. Алена от неожиданности вздрогнула.

– Так! Мать моя... Ты мне это прекращай! Что за фантазии? Перегрелась? Не высыпалась? Устала? Берешь отгул и едешь домой. Хотя на один день, хоть на два. Но эти фантазии ты мне брось! Привидения у нее здесь бродят! Если бы врачи таскали за собой своих привидений, то они на третий год работы умирали бы! Ты педагог! И работаешь с людьми. А люди – материал хрупкий. К тому же все объяснилось. Канашевич была девушкой неуравновешенной, склонной к суициду. Так и в карте было написано. С твоей стороны ошибки никакой не было. Девочка почувствовала себя плохо, ее положили в изолятор. Никто ж не знал, что она приволочет с собой мешок таблеток! Даже родители тебя не обвиняли, а ты винишь. Запомни! Ты все делала правильно!

– А если неправильно?

– Ты, мать моя, это прекрати! – Вера Павловна снова уселась за стол. – Все! Иди работать. А то без тебя они опять разбегутся. Я их потом в изоляторе держать не буду. И кстати, те, кто завтра не идет в поход, пусть приходят сюда. Я найду, чем с ними заняться. Понаблюдать надо. Не хватало нам еще детей после отдыха возвращать с нервными срывами.

Королев, Кабанов, Моторова, Постников. Это не врач найдет, чем с ними заняться, а они придумают, как побыстрее прибить друг друга. Под чьим-то чутким руководством.

Алена вышла в коридор и не удержалась, чтобы не бросить взгляд направо. Двери обеих палат изолятора были призывно распахнуты. Кто же будет болеть в июле месяце, когда жарко, когда солнце, когда есть речка и лес? Палата мальчишек, с втиснутой третьей койкой. Легкий запах хлорки.

Два шага к следующей двери. В затылок словно кто-то дунул. Шея у Алены одеревенела.

Не поворачиваться. Ни в коем случае не поворачиваться. Зло всегда стоит за спиной, только и ждет, чтобы его увидели. Чтобы его испугались.

Единственная кровать в палате была ровно застелена, воздух застоявшийся – здесь давно никого не было. Окно закрыто.

Серое шерстяное одеяло... Прямо у Алены на глазах на этом одеяле отпечаталось чье-то тело. Фантазия дописала шуршащий звук, но его не было. Словно кто-то невидимый и неслышимый подошел и сел на постель. На белоснежной подушке появилась ямка – кто-то оперся на нее острым локотком?

Разболтавшиеся деревянные в раме кровати скрипнули. Кто-то встал? Кто-то идет к ней?

Ужас льдом сковал легкие, вбил снежный кол в горло.

Бежать! Отсюда!

От кровати до двери четыре шага. Если кто-то к Алене и шел, то уже стоит рядом.

Не закрывать глаза, не закрывать!

И все же она зажмурилась, чтобы представить преследовавшее ее несколько месяцев лицо. Маленькое, с треугольным подбородком, небольшим носиком, тонкой полоской губ. Что хотела? Почему так сделала? Чего ей не хватало? Теперь уже не узнаешь. Записка, как в дурном кино, и тело.

По затылку словно кто ладонью провел, толкнул под локоть.

Алена распахнула глаза. Никого. Только след на одеяле и подушке, только ощущение чужого присутствия.

На негнущихся ногах Алена вышла в коридор. Четверо, говорите? Не получит она ни одного! Если уж кому и идти в поход, так этой четверке!

– Мать моя! Ты еще здесь?

Это уже был перебор. Не прощаясь, не забрав приготовленную к походу аптечку, Алена выбежала из корпуса. Неслась куда-то, ничего не видя и не слыша. Пока не сбила с ног Постникова.

– Ты чего здесь?

Валя улыбнулся. Милый, приветливый мальчик, не без чудинки, но внешне кажется безобидным.

– Ничего, – с готовностью ответил Валя. – Гуляю. – И снова эта лучезарная улыбка. – А в поход всех возьмут?

– Всех! – Алена скомкала листок в кулаке. – Сходи к Виктору Викторовичу Гусеву, спроси о рюкзаках и ковриках.

– А мяч взять можно? – чуть ли не с дрожью в голосе спросил Постников.

– Какой мяч, Валя?! – воскликнула Алена. – Иди отсюда.

Пося послушно поплелся к физруку, прозванному «спортивным комментатором» за одинаковые фамилии с известным диктором. Не успела Алена перевести дух, как на дорожке к изолятору нарисовался Кабанов.

– Саша! – всплеснула руками Алена. – У тебя что-то болит?

Кабанов был готов ответить, что у него душа болит, что он собирается разорвать этот мир пополам, чтобы уничтожить глобальную несправедливость... Но промолчал. Поскреб ногтями шелушащуюся щеку, прикусил губу.

Алена стала разглаживать на ладони список.

Моторова, Королев, Постников, Кабанов. Нет, она не отдаст своих ребят.

– Вот что! Сходи к Вере Павловне и возьми аптечку для похода. Будет говорить, что тебе нельзя завтра с нами идти, соглашайся.

– А я чего, не иду, что ли?

– Идешь. Все идут. Только никому об этом не говори.

И Алена отправилась подписывать списки у начальника лагеря. Матвеем она решила открыть свой план вечером.

– Ну и почему бы их не взять? – флегматично согласился напарник. – Возьмем.

– Надо из лагеря выйти без них, чтобы потом они нас догнали.

– Догонят.

– И уважительную причину придумать, понимаешь? – Алена пристально посмотрела в глаза будущему светилу физической культуры. – Чтобы никто не подумал, что они сбежали, и не начали их искать. Каждому свою причину. Понимаешь?

Матвей стоял монументальной скалой. Над танцевальным пятачком стонала музыка, прыгал скупой свет, способный меняться только с желтого на красный и обратно. Дискотечная толпа была пока еще редка и состояла из средних отрядов. В сторонке топтались малыши, под любую музыку танцующие два притопа, три прихлопа. Старшие отряды еще бродили в стороне, нагуливая «аппетит» для танцев. Кривой что-то демонстративно жевал, широко распахивая рот и чавкая. В руках у него была зеленая веточка ботвы – толстый стебелек с резко отходящими во все стороны листочками вытянутой формы с заостренными кончиками и с увядшими, довольно крупными бутонами.

– Вас что, в столовой не кормят?! – побежала к мальчишкам Алена. – Что вы всякую ерунду в рот тянете? Это же какая-нибудь отравка!

– Не, – добродушно протянул Кривой. – Прикольная штука. Кисленькая. На крапиву похожа.

Алена с сомнением посмотрела на затисканный в руках стебелек. Слишком большие листья, чтобы быть представителем семейства жгучих. Крупный цветок. Чей-то палисадник разорили, обормоты.

– Меняемся, – Алена сунула руку в карман. – Пакет семечек на ваш гербарий. – Согласия не ждала, отдала Кривому семечки, вырвала букет. – А если голодные, я могу попросить в столовой хлеб, высушить его. И грызите хоть всю ночь!

Юрка мирно воспринял обмен, но стоило Алене отвернуться, как достал из-под футболки еще один стебелек «крапивы».

– Разберись! – Алена припечатала поникшую травинку к груди Матвея. – Желательно, чтобы завтра у нас все были здоровы.

Матвей двумя пальцами перехватил «добычу», повертел в воздухе, смахнул зеленые соринки с футболки. И вслед за ними в ближайшие кусты отправил травяной сбор напарницы. Смена протекала спокойно, волноваться было не о чем.

– А вы слышали, что половину отряда завтра кладут в изолятор?

У Юрки от травы зубы стали зелеными. И он их с удовольствием всем демонстрировал. Еще и сплевывал зеленой слюной – красота. Найденная трава на вкус была не очень приятной, но зато быстро превращалась в бесконечную жвачку, которую можно было долго гонять во рту. От травы по всему организму шел расслабляющий холодок, хотелось улыбаться и жмуриться, сердце колотилось, заставляя пританцовывать на месте.

– Чего это не возьмут, если сказали, что пойдут все? – буркнул Пося. Ему вкус травы не нравился – от нее болела голова и слегка тошнило, но он все равно жевал, чтобы быть как все.

– Вот как раз тебя и не возьмут, – с чувством превосходства сообщил Сашка. – Мне врачиха сказала, что кое-кто останется.

– И кто же это? – вклинился в разговор подошедший Королев.

За ним на приличном расстоянии двигалась Моторова. Ирка верным оруженосцем вышагивала рядом.

– Те, кто был в изоляторе, – припечатал Кабанов, отщипывая у Кривого кусочек травы.

– Я тогда тоже не пойду, – резво взяла с места в карьер Аня.

– Почему не пойдешь? – возмутилась Ирка. – А я чего без тебя там делать буду?

– Не знаю. – Судьба подруги Моторову не волновала.

– Вот и засадят вас на весь день картошку чистить, – засуетился Валя. – А остальные будут купаться и гулять.

– Тебя, Пося, в первую очередь надо за картошку усадить. – Кривой сплюнул надоевшую жвачку и встряхнул пакетик с семечками.

– А чего меня-то? – отступил Валя. – Я не собираюсь в лагере сидеть. Все пойдут, и я пойду!

– Пойдешь, пойдешь, – хмыкнул Юрка. – От корпуса до изолятора.

Постников отшагнул в сторону.

– Сами вы пойдете, – для сохранения собственного достоинства сообщил Постников и скрылся в кустах. Где чуть не сбил с ног девчонку.

– Ты чего? – попытался он разглядеть любительницу скрываться. – Прячешься? – озарила его мгновенная догадка.

– Ой, да надоели они мне все, – нехотя вступила в беседу девчонка. – Прикинь, только и умеют, что болтать. Типа, они все здесь крутые, а я никто.

– Чего это никто? – опешил от такого напора Пося.

– Типа, я им что-то должна. Да не должна я им ничего. Вот тебе слабо со мной потанцевать?

Пося на мгновение завис. Он все про себя хорошо понимал – и что бывает нелепым, и что не красавец, – и был готов к тому, что на него девчонки обратят внимание в последнюю очередь. Но вот к такому... нет, к такому заранее подготовиться нельзя.

– Конечно! – сделал он быстрый шаг вперед, пока девчонка не передумала, положил руку на ее талию, а второй начал искать ее ладонь. И даже немного стал наступать, чтобы выйти из кустов на площадку.

Девчонка вскинула руки, повиснув у него на шее.

– Нет, давай здесь танцевать. Чтобы никто не видел. Чтобы была тайна.

Вальку такая тайна не очень устраивала. Ему больше хотелось, чтобы и другие видели, с кем он танцует. Что он не какой-то там «второй сорт». Что у него все – на самом деле.

Девчонка сильнее наваливалась на него. С виду худенькая, личико маленькое, а весит под несколько центнеров.

– Как ты думаешь, в меня влюбиться можно? – шептала девчонка, не замечая, как они шаг за шагом выходят из кустов.

– А чего у тебя не так? – прямолинейно буркнул Пося. – Все нормально.

– Типа, как у всех? – на секунду оторвалась от Валиного плеча девчонка.

– Ну да, – Пося пытался разглядеть свою партнершу, но девчонка снова уткнулась ему в ключицу.

– Прикинь, а мне парень один сказал, что я ему нравлюсь. Круто, да?

Пося замер. Странный у них получился танец. Девчонка почувствовала, что они остановились, и отлипла от его шеи.

– А ты ничего такой, прикольный. Прикинь, если мы с тобой еще встретимся?

– Ну и встретимся. – Валя решил для себя, что обижаться на эту чокнутую не будет. – Чего не встретиться?

– Круто! А как ты считаешь, бывает так, что парни не врут?

– Бывает, конечно! Я вот никогда не вру. Я даже могу сказать, что ты симпатичная.

– Что, и влюбиться в меня можешь?

– Могу и влюбиться. – Валя покосился на спины ребят, на близкую площадку. Внезапное приключение его начинало тревожить.

– Прикольно, – растянула губы в улыбке девчонка. – Ты смешной.

Девчонка снова резко шагнула к нему. Постников решил, что она опять потянет его в кусты танцевать, поэтому отшатнулся и только потом заметил, что она сложила губки трубочкой, собираясь его поцеловать. Он заторопился обратно, даже зажмурился, представляя, как его сейчас поцелуют...

– Ты чего это в кустах делаешь?

Матвей, несмотря на свои размеры, умел передвигаться тихо. Даже там, где бесшумно пройти в принципе не получилось бы, – он шел, не рождая ни звука.

Валя замешкался, но девчонки рядом не было. В памяти от нее осталась только холодная тяжесть в шее, словно на него нагроулили половину льдов Антарктики.

– Короче, такое дело, – заговорил вожатый, не дожидаясь, пока Валя сообразит, как лучше выкрутиться из щекотливой ситуации. – Тебя завтра в поход не берут.

– Как это?!

– Поэтому с нами ты не пойдешь... – У Матвея была своя задача, и на ненужные вопросы он не отвлекался.

Мрачная Аня смотрела, как Ирка танцует с Королевым. Они отплясали быстрый танец и теперь «вытаптывали» медленный. Ирка обвила руками Лешкину шею, положила голову ему на грудь. Лешка старательно отклонял голову, чтобы не касаться Зайцевой, но сути дела это не меняло – они были вместе.

«Король! – мысленно звала Моторова. – Король!»

– Вот, такие дела, брат, любовь, – процитировал подошедший Юрка. – Не плачь, Маруся, завтра он будет твой. Слышала, что говорил Матвей? Все идут в одну сторону, а вы с Лешкой в другую. Там и объяснитесь.

Аня подняла на Кривого глаза.

– Ты так думаешь? – сухо спросила она.

– Уверен! – хохотнул невероятно веселый Юрка. – А пошли попляшем. Покажем молодежи, как веселиться надо.

Кабанов сплюнул травяную жвачку. От нее во рту и в желудке становилось легко и немного щекотно, но главное – пропадало вечное желание есть.

Матвей к нему тоже подошел, объяснил, что официально он в поход не идет. Бежать из лагеря – нарваться на скандал. Остаться – умереть с тоски. Поэтому пойдут все. Каждому из четверых придумали свою легенду. Сашке – приезд родителей. Вожатая второго отряда, Карина, напишет от их имени заявление, что они на весь день забирают свое чадо. Сашка был не против. Даже своим позвонил, чтобы не беспокоились. Родичи сказали, что и не собираются этого делать. Значит, завтра весь день он проведет с Ирккой. А Королев... что ж, с Королевым многое может в походе произойти. Неожиданные коряги, перелески, топкие болота. Шальные кирпичи, опять же.

Сашка выпрямился, сквозь не выветрившийся запах травы вдохнул побольше воздуха. Даже глаза закрыл от удовольствия, что все так удачно складывается. А когда открыл, ему на мгновение показалось, что он вновь стоит перед корпусом изолятора. На втором этаже горит свет. И в этом окне отчетливо виден силуэт девушки.

В глазах потемнело, а потом он почувствовал на своем лице чьи-то холодные ладони.

– Какого черта! – вскрикнул он испуганно – настолько все это совпало: видение и чье-то вторжение в его мысли.

Рядом жизнерадостно заржали.

– Привет, Сашенька! – крикнула Кузя, довольно хлопая в ладоши. Еще бы! Испугать самого Кабанова!

– Сашулечка, а пойдем танцевать, – вынырнула у высокой Кузи из-под локтя Томочка. – Ты же знаешь, как мы тебя любим.

– Что это ты все один да один? – в тон ей пропела долговязая Юлька.

– Идите вы! – взмахнул руками Кабанов, отгоняя назойливых девчонок.

– Нет, нет, – потянула его за собой Кузя. – Пойдем.

– Ну, Сашулечка, – подтолкнула сзади Томочка. – Мы тебя очень просим.

И тут Кабанов увидел то, что совсем не ожидал увидеть во второй раз. И не в фантазиях, а на самом деле – изолятор, освещенное окно на втором этаже, а в нем – девчонка. Она улыбалась ему. И даже приветливо кивала головой.

Не чувствуя под собой ног, он позволил вывести себя на танцевальный пятачок. Успел пару раз дернуться, изображая радость танца. Музыка смолкла. Девчонки захихикали, странно перемигнулись и с обеих сторон быстро поцеловали его в щеки.

От их поцелуев Сашку словно током пронзило. Холодные иголки знакомо впились в кожу, ужалили в кость, пиявками всосались в кровь. Сашка заорал, отшатнулся. Перед ним мелькнуло лукавое Иркино лицо. Она ехидно улыбалась, посылая ему воздушные поцелуи. Видение сменилось на довольное лицо Миленькой – ее распахнутые глаза, приоткрытый рот, некрасивое кругленькое личико. А потом вдруг эти лица смешались, превратившись в одно – маленькое, с острым треугольничком подбородка, с большими серыми глазами. Бровки сурово сдвинуты, губы кривит злая ухмылка.

Сашкина щека, которой коснулись губы, болезненно запульсировала, холод, как от заморозки, сковал кожу.

На дискотечной площадке поднялся шум.

– Привидение! – тяжелым басом орал Кривонос.

Визжала Томочка. Грубовато хохотала Ирка. Туда-сюда носилась перепуганная мелюзга. К площадке пробежал Кирюша, мелькнула пара встревоженных вожатых.

Из темноты на Алену выскочил Кабанов.

– Что там? – перехватила его за плечо вожатая.

– Ничего!

Сашка вырвался, но неловко, потому что руки у него были заняты. Он изо всех сил тер ладонями щеки. Яростно, с остервенением.

– Стой! – быстро догнала его Алена, с силой отвела руки от лица.

Обе щеки его полыхали так, словно к ним приложили по листику крапивы. Они были порядком расчесаны и стали распухать.

Кабанов молча освободился и побежал прочь. Алена растерянно смотрела ему вслед. Может быть, Вера Павловна права и ребятам рано идти в поход?

Глава пятая

Мальбрук в поход собрался

Утро было прекрасным.

Описания подобных утр попадают на страницы поэм и романов.

Легкая дымка висела над дорожками и травой. В воздухе как будто стоял еле слышный звон просыпающейся природы. Птицы отгомонили и теперь тоже наслаждались тишиной. Все вокруг еще было наполнено ночной влагой. Дрема свисала с каждой сосновой иголки, пряталась в цветочных чашечках магнолий, томилась в кустах.

Первый отряд немилосердно зевал, кутался в куртки и кофты, вяло переругивался.

Выйти решили в семь, чтобы захватить утренний холодок, через пару часов позавтракать, искупаться, еще немного пройти через поля, деревни и часам к двум оказаться рядом с Новоселовым, где и разбился самолет первого космонавта.

– Смотрю, готовы, готовы, – бодрячком выскочил из-за поворота аллеи Семен Семенович. – Молодцы! Алена, у вас все хорошо?

Алена взглянула на Матвея. Тот стоял, довольно жмурясь на уже высоко поднявшееся солнце.

– А чего? – флегматично пожал он плечами. – Все хорошо.

– Продукты взяли?

Матвей шевельнул ногой, демонстрируя хорошо набитый рюкзак. Да и у каждого с собой были припасены у кого сумка, у кого рюкзачок. В походе голодать не собирались.

– Обувь? Головные уборы? – в последний раз все проверил начальник.

– Мать моя, – выплыла из утреннего туманца Вера Павловна. – Где твои орлы-то? Те четверо... Как их?

– Спят еще, – хрипловато от неожиданности и от необходимости врать, ответила Алена. – Позавтракают со вторым отрядом, а потом к вам придут.

– Можно отправляться!

Виктор Гусев не только фамилией был похож на популярного футбольного комментатора, он и внешне старался ему подражать – в походке, манерой говорить и одеваться. Обо-жал футбол. Из его рюкзака заметно выпирал мяч.

– Ну, с Богом! Фотоаппараты-то взяли?

Народ нестройно загалдел, что могло означать как «да», так и «нет», и потянулся к выходу из лагеря.

Сейчас они пройдут вдоль футбольного поля, мимо корпуса обслуживающего персонала, через небольшую рощицу выберутся к реке. Неширокая, но глубокая, с мутными водоворотами, по берегам густо заросшая осокой...

Семен Семенович вздохнул. Он бы сейчас с большим удовольствием сам прошелся до реки, искупался у старицы, постучался в деревенский дом, попросил бы воды, в крошечном магазинчике купил бы свежего хлеба. Жаль, что он уже немолод, жаль, что все хорошее осталось позади. Но, может быть, эти горлопаны и несмышлениши успеют больше, чем он? Увидят больше, добьются большего...

Начальник задумчиво посмотрел на окна притихших палат первого отряда. Он хотел зайти в корпус, посмотреть, как заправили кровати походники. Но передумал. Если там остались ребята и они спят, лучше их не будить.

Путешественники... Он вспомнил разношерстно одетую команду, отправившуюся к реке. Прямо «Мальбрук в поход собрался...». У Мальбрука тогда все закончилось плохо. Погнали французов из России.

Семен Семенович прошел под окнами, хрустя гравием, скрылся за углом.

– Чисто!

Первым из-за бортика беседки высунулся Кабанов.

– Двинули!

– Надо подождать. – Пося не спешил вылезать. – Он еще может назад пойти.

Моторова ничего не говорила. Она просто сидела на приступочке рядом с Королевым, боясь лишний раз вдохнуть. Лешка грыз травинку. На Аню не смотрел. Моторова головы не поворачивала, чувствуя, как от напряжения деревенеют мышцы шеи, что еще чуть-чуть – и малейшее движение разорвет ее на крошечные кусочки. Она все тянула и тянула ткань реальности, желая, чтобы это утро, сидение за беседкой, их одиночество продлились подольше.

– Вы сидите, а я пошел!

Сашка побежал под елки, уже привычным жестом ковыряя шелушащуюся щеку и покусывая верхнюю губу. Он собирался пройти мимо корпуса малышей, мимо линейки, свернуть за решетчатый задник открытой сцены, где в заборе был лаз, продрасться сквозь заросли крапивы и выйти к реке. Там их будет ждать отряд. Все просто.

Он и пошел. Из оставшихся у беседки его мог интересовать Королев. Но Лешка последнее время был какой-то стукнутый, поэтому лучше было обойтись без него.

– Куда же ты?

Вопрос прозвучал неожиданно и слишком звонко для этого чудесного, еще сонного утра. Для этой природной уединенности, где людей быть не должно.

– К своим, – буркнул Сашка.

Он клонился вперед, словно мысли о том, что он собирался делать, гнали его к линейке, к крапиве, к отряду. А ноги уже встали, как будто до них первых дошло, что никуда уже бежать не надо. Кабанов смог только сунуть кулаки в карманы, пытаясь хоть как-то защититься от внезапно нагрянувшей реальности.

– А я?

Она стояла за кустами у линейки. Сашка успел подумать, что до спасительной свободы не дошел совсем чуть-чуть. Надо было быстренько нырнуть за эти рейки, сквозь кусты, через забор...

– А чего – ты? – спросил Кабанов как можно более грубо, чтобы она и не думала ближе подходить.

– Сам говорил, что я тебе нравлюсь.

– А ты говорила, что можешь Кривого завалить.

Кусты затрещали – с такой яростью девчонка рванула ветки.

– Так ведь я это и сделала!

– Чего сделала? – все так же грубо ответил Сашка. – Вон он – козлом скачет.

– Сейчас скачет, потом не будет...

Сообщение заметно порадовало. Кабанов расправил плечи, собираясь идти дальше.

– Все мальчишки одинаковые, – с яростью прошипела девчонка. – Сначала говорят, что любят, а потом оказывается, что врут!

Сашка ухмыльнулся. Ему бы только от Кривого избавиться. Что будет потом – после и решится.

– Тебе опять все заново сказать? – легко предложил он.

Утро стремительно преображалось – из сонного занудства выглянул лучик солнца, рождая бодрость. После такой новости можно весь мир перевернуть!

– Говори!

– Ты красивая, даже очень, – речитативом забормотал он. – И руки у тебя красивые, и глаза. В тебя легко можно влюбиться. – И перебил сам себя. – Все?

– Нет!

Девчонка выступила из кустов. Темная футболка, серая юбка, на ногах белые теннисные туфли. Взгляд колючий. Острый подбородок, казалось, вот-вот пронзит действительность, и девчонка, как Буратино, порвет холст с нарисованным очагом.

– Все ты врешь! Все мальчишки врут. Ты ничем не лучше!

Она наступала.

– Эй, ты чего? – Сашка поднял локоть.

– Таких, как ты, убивать надо!

– Кого это надо? – Сашка еще хорохорился. Он еще ничего не понимал.

– Тебя!

Глаза у нее стали огромными. Они заполнили все вокруг, и мир потемнел.

Валька выпал из-за угла беседки, до того старательно выглядывал уходящего Кабанова. Надо было, конечно, идти всем вместе. Чего они разделяются? Потом ждать друг друга придется.

– Ну, чего, пошли?

Лешка поднялся, Аня потянулась следом за ним. Она была настолько погружена в свои переживания, что не заметила, во что одевалась. Сейчас на ней была длинная с запахом юбка с оранжевыми разводами, сандалии с высоким переплетением ремешков на щиколотке, футболка и черная фуражка со значком. Получился воинственный и, в то же время, нелепый вид. В сандалиях постоянно застревали веточки. Аня задерживалась, вытаскивая их, подпрыгивала на шишках – они ой как больно кололись! Мальчишки быстро ушли вперед.

Непривычные для лагеря тишина и пустота настораживали. Если не слышно криков и топота, если никто не верещит и не орет песни, то должно быть что-то другое. Шелест? Пенье птиц? Журчание близкой воды? Но и этого не было. А значит... значит... Аня постаралась громче дышать. И вдруг!

Мычание. Будто кого-то пытаются задушить, и этот кто-то сопротивляется. Еще и ногами сучит.

– Привет! Ну, что?

Девчонка, та самая, что когда-то (вчера? неделю назад?) сидела в беседке и рассуждала о смерти, о том, что парням следует мстить.

– Что?

Аня словно вынырнула из глубокого летаргического сна. Глянула на свои сандалии, на пустой парк, густо усеянный сосновыми иглами и шишками. Королева не было. Постникова тоже.

Незнакомка сощурилась. Вроде ничего особенного, обыкновенный жест, но как он переменял лицо. Оно все собралось, глаза потемнели, бровки сдвинулись, родив некрасивые морщины.

– Поверила ему? Типа, он пообещал не бросать?

– Тебе-то какое дело? – Анька стала обходить привязчивую девчонку мелкими шажками.

– Он про тебя уже и забыл. А ты ради него готова на все...

– Это не твое дело! – Моторова сделала большой круг, при этом шла все время к девчонке лицом, боясь повернуться спиной – а ну как чем-нибудь кинет.

– Может быть! Только потом, типа, не плачь.

Анька побежала, наколола ногу, склонилась, чтобы вытащить иголку. А когда подняла голову, чуть не вскрикнула.

Незнакомка стояла перед ней, жгла взглядом.

– Прикинь, если он тебя бросит? Сейчас еще терпит. – И передразнивая манеру Королева говорить, изобразила: – Красное белье надевать – это пошло, чулки носить – пошло. И вообще – что у тебя на голове?

- Прекрати! – взвизгнула Моторова.
- А потом он променяет тебя! На твою подругу.
- Убирайся.
- Он с ней танцевал!
- Уйди с дороги!
- И, типа, целовался.

Аня двинулась на обидчицу, как танк. Шла, не замечая больше шишек и колючек. Ясно давала понять, что с пути не свернет.

И девчонка уступила. То стояла, крепко уперев ноги в землю, словно это были столбы, а то вдруг легко подпрыгнула, уступая тропинку.

- Зря! Завтра может быть поздно!
- Без тебя обойдусь, – сквозь зубы процедила Анька.

Зайцева! Ей срочно нужна была Ирка. Где ты, подруженька любимая? Без нее Моторова чувствовала себя неуютно.

– О!

Из кустов, совсем не оттуда, куда ушел, и уже совсем не там, где должен был быть, появился Пося. Как всегда, лучезарно улыбаясь. Как всегда, от желания пообщаться мало что не взлетает воздушным шариком.

– А я слышу, разговаривает кто-то. Думал, Сашка кого встретил. Ты куда вчера пропала?

У девчонки странно дернулось лицо, словно она хотела сменить его на другое – более красивое, более приветливое. Но оно осталось таким же. Только морщинки разгладились да из глаз утекла чернота.

– Тебя, кстати, как зовут?

Валя подошел к ней чуть ли не вплотную. Даже руку поднял: вот-вот коснется ее локтя.

– Слушай, а ты из какого отряда? Я думал тебя найти сегодня вечером.

– Ни из какого, – отстранилась девчонка.

Пося не замечал всех этих движений, дающих понять, что говорить с ним не хотят.

– Дочка обслуги?

– Сам ты обслуга. – Девчонка пяtilась, словно от Валькиной улыбки, как от солнца вампиру, ей было больно.

– Ну конечно! – хлопнул себя по коленям Постников. От догадки его лицо стало еще более лучезарным. – Если ты здесь до подъема, то не отрядная. К кому-то приехала?

Он снова пошел к ней, снова поднял руку. Девчонка успела сделать огромные испуганные глаза. Валя остановился, на лице появилась озабоченность.

– Слушай, – забормотал он, – мы сейчас в поход уходим, вернемся вечером. Ты ведь еще не сегодня уезжаешь? Вечером увидимся? Подходи к нашему корпусу. Где первый отряд живет, знаешь? – Испуг мелькнул в его глазах. – Или тебя уже не будет?

Девчонка пяtilась за деревья. Бровки – домиком, рот приоткрыт, в глазах – бездонное удивление.

– Эй! Ты куда? – снова пошел за ней Пося. – Слушай! Ты чего, обиделась? Зовут-то тебя как?

Девчонка исчезла.

– Черт! – Валя остановился. – Вечером приходи! – крикнул он громко и испугался собственного голоса. Монументальные сосны еще немного покидали с ветки на ветку его крик, а потом он завяз в колючих иголках. – Чудная, – пробормотал Пося, возвращаясь к линейке. – Странная, – сам с собой договорился он, забираясь за сцену. – Все здесь какие-то... – решил Валя, ныряя в кусты за забором.

– Тыш!

Кривой резко выбросил руку вперед, словно хотел со всей дури врезать Вале по лицу, но в нескольких сантиметрах от его носа внушительный кулак остановился. Постников взмахнул руками, навзничь падая в крапиву.

Юрка довольно облизал губы.

– Чего так долго? – Он с удовольствием изучал мгновенно побледневшее лицо Поси.

– Придурок! – барахтался в крапиве Валька.

– Ты кого придурком назвал? – склонился над Посей Кривой.

– Себя. – Валька встал, уклоняясь от нависшего Юрки.

– То-то! – Кривой удовлетворился страданиями соперника и выпрямился. – Остальные где?

– Пришли остальные.

– Куда пришли-то? Сидим, ждем.

Валька ничего не ответил. Юрка ему не нравился. Чем меньше с ним общаешься, тем здоровее себя чувствуешь.

– Ну, где вы?

Алена начала волноваться. Она расхаживала вдоль развалившегося на траве отряда, замечая, что кое-кто уже начал дремать. Плохо. Дрема настроение портит, теперь они пойдут медленнее.

– Я тут при чем? – огрызнулся Валька, усаживаясь подальше от всех.

– Где Кабанов? – подбежала к нему Алена.

– Он вперед пошел. Если еще не здесь, значит, решил остаться.

Валю все вдруг стало злить. Дурацкое утро – сначала пришлось прятаться, потом он вдруг заблудился в трех соснах, девчонка еще эта, Кривой... Может, не ходить? У него уважительная причина.

– Аня! Я же говорила: нормально обуться!

Моторова стояла рядом с Иркой невероятно довольная, словно ей только сейчас сообщили, что ее папа выиграл миллион долларов, и они всей семьей едут на Канары.

– Королев, где Саша?

Лешка вышел из кустов шиповника, вид имел все такой же задумчивый. В ответ пожал плечами и завис, словно важную мысль обмозговывал.

– Почему вы не вместе! – От волнения лицо Алены пошло красными пятнами. Она поджимала губы, как будто сдерживала совсем уж нехорошие слова. – Я просила вас держаться рядом и не бегать по лагерю! А теперь что? Один справа, другой слева, третья вообще делает вид, что здесь и стояла. Кабанов где?

– Он первым пошел, – доложил Пося и улыбнулся, родив на щеках ямочки.

– Пошел и провалился? – накинулась на него вожатая.

– Аленушка, может, он решил никуда не ходить? – Томочка ухватила своей маленькой ручкой вожатую за локоть. – Знаешь, они с Зайцевой поругались. Он мог обидеться. – Последние слова она уже шептала, привстав на цыпочки и вытянувшись, чтобы достать до уха высокой Алене.

– Может, позвонить кому-нибудь? – вкрадчиво посоветовала стоявшая поблизости Кузя. Глаза у нее были огромные – ей очень нравилось давать дельные советы.

– Кому позвонить? – опешила от такого наступления со всех сторон вожатая.

– Может, Карине?

– Передумал, наверное, идти, – равнодушно произнес Матвей. – Подъем! Встали, встали, встали! Впереди нас ждут великие подвиги!

– Ой, – недовольно протянула Зайцева. – С этими подвигами нам помереть еще не хватает, как Гагарину.

– Как все миленько, – пропела Томочка, отходя от вожатой. Она хитро глянула на Юлю, и, взявшись под ручку, они пошли вдоль реки.

Народ зашевелился. Алена набирала номер на сотовом.

– Алло! Каринка! Встали уже? Ага... Кабанова не видела? Ну тот, что покусанный на все лицо! Под окнами проходил? Давно? Забери его в отряд, надери уши и к изолятору близко не подпускай! А лучше привяжи к кровати, пускай весь день лежит. Ага! И позвони, как поймашь! Бэтмен, тоже мне...

Вскоре трава на том месте, где отряд ждал Кабанова, выпрямилась, голоса смолкли, ветер запорошил следы. Над лагерем поплыли позывные горна. День начинался.

– Гагарин – это уникальное явление в нашей стране. Да и во всем мире, – быстро говорила Алена, чуть задышавшись, потому что ей приходилось постоянно оглядываться, следя, слушают ее или нет. – Он родился в деревне перед Второй мировой войной. Когда пришли немцы, его семью выгнали из дома, и они вырыли себе землянку. Вы только представьте каково это – зимой жить в холоде и голоде!

Девчонки не почувствовали трагизма момента – для них немного поголодать было заветной мечтой. Сбросить пару лишних килограммов, стать такой же, как Водянова или Кира Найтли.

– Представляете, тогда самолеты еще редко летали, а он мечтал о небе, пошел в летное училище, стал пилотом. О космосе писали в книжках, что там и как могли только предполагать, но Гагарин подал заявление на вступление в отряд космонавтов. Это было как русская рулетка – никто не знал, вернется ли космический корабль, сможет ли человек в нем выжить...

Чем воодушевленной рассказывала Алена, тем меньше слушателей у нее было.

– А знаете, какова вероятность встретить инопланетянина на улице? – спросил заметно отставший Юрка.

– Никакая! – вылез вперед Валя.

– Ты инопланетянина каждый день в зеркале видишь! – отшил его Кривой. – Ну, какие версии?

– Маленькая, – пискнула Кузя.

– Ой, а я не знаю, – обиженно протянула Томочка.

– Пятьдесят на пятьдесят, – довольно хохотнул Юрка. – Либо встретишь, либо нет!

Ирка громко фыркнула, выражая одобрение, прибавила шаг. Улыбка на лице Кривого застыла. Бросив слушателей, он устремился вперед.

– А дружок-то твой не пошел.

– Топаи мимо. – Ирка не церемонилась и выражений особо не подбирала.

– А чего, ты, типа, свободна теперь?

– Типа, тебе сказали – отвали! – Ирка говорила, не поворачивая головы. Понимает – хорошо, нет – его проблемы.

– А чего, типа, мешаю идти?

– Мешаешь!

– А чего мешаю-то? Вон сколько места!

Кривой щедро повел рукой. Они двигались вдоль реки. Вокруг – кочковатый заливной луг, поросший кустиками давно не кошенной травы, зарослями крапивы, остролиста и бурьянистым чертополохом. Отряд разбрелся по просторам родины, шел, спотыкаясь.

Зайцева резко повернулась, отчего Юрка чуть не сбил ее с ног.

– Вот и иди в свои места, – прошептала она в лицо Кривого. – Да смотри, не падай.

На последнем слове Ирка стала наклоняться вперед, словно хотела Юрку поцеловать. Кривой, сколько мог, отклонялся, потом решил отойти, зацепился за кочку и упал. Задетый Постников повалился следом.

Ирка снова громко фыркнула и потопала прочь. Анька, идя рядом с ней, сияла, как маков цвет.

– Ну, что у вас опять? – возникла из небытия своего рассказа о героическом космонавте Алена.

– Отвали! – пихнул первого подвернувшегося под руку Кривой. Этим первым оказался Валька.

– Сам отвали! – буркнул для остротки Пося, и в который раз решил держаться от Кривого подальше.

Юрка глянул на своих гвардейцев. Ребята смотрели кто куда. Для бодрости духа он ухмыльнулся и побежал догонять Ирку.

– Слушай! Да отлипни ты уже от меня! – рассердилась Зайцева.

Кривой как будто в стену врезался. Взмахнул руками и снова упал на землю. Томочка встревоженно заохала. Сердобольная Кузя склонилась над павшим.

– Что у вас здесь опять? – несколько утомленно спросила Алена.

– У Кривоноса падучесть повышенная, – бросила на ходу Ирка.

– Юрка, кончай спектакли разыгрывать! После поиграем.

Юрка дернулся, открыл глаза, сел.

– С головой чего-то... – пробормотал он неожиданно.

– Начинается! – рассердилась Алена. – Вставай! С головой у него что-то! Спать надо по ночам, а не страшилки рассказывать.

Юрка встал, но теперь плелся в хвосте сильно растянувшейся колонны. Его гвардейцы убежали вперед – Кривонос потерял для них привлекательность как сильный вожак.

– Видала, как я его! – с гордостью дернула бровью Зайцева.

– Чего это он распадался? – с сочувствием спросила Аня.

– Королев, ты видел? – повернулась к Лешке Ирка. – Будешь не слушаться, тоже... падать начнешь.

Лешка неуверенно кивнул, как будто соглашаясь. Улыбка на лице Ани застыла.

– Да ладно тебе, – толкнула подругу Ирка. – Пошутить уже нельзя. Он же сам тебе сказал, что больше не любит. Чего ты напрягаешься?

Аня мотнула головой – то ли «да», то ли «нет».

– Он может передумать, – прошептала Моторова.

– Мы тебе другого найдем, – доверительно сообщила Зайцева. – Забирай себе Кабанова.

Аня вздохнула. Улыбки больше не было, взгляд не скользил по горизонту, глаза следили теперь за ногами. Левая, правая, левая, правая, левая... Какая бессмысленная штука – жизнь. Никчемная и бестолковая.

Они шли бесконечными полями. Слева струилась река, далеко на горизонте справа тянулась темная полоска леса. Ясное небо с легкими облаками.

Они позавтракали под ивами, низко свисающими по-над рекой.

– Мать моя! – волновалась Вера Павловна по телефону. – Где твои-то?

– Мне Карина сказала, что их всех после завтрака разобрали, – подготовленно врала Алена. – За Кабановым родители приехали. Королев с Моторовой номер репетируют для субботнего концерта. А Постников в библиотеке помогает. Они к вам в тихий час подойдут. – И не дожидаясь возражений врача, дала отбой.

Физрук топал далеко впереди – ему не было дела до внутрилагерных разборок. Матвей подбросил на плечах рюкзак, удобней распределяя вес. Всем происходящим он был доволен. Остальные хранили вид заговорщиков. Тройка пацанов далеко в стороне гнала перед собой мяч, пасуя и яростно возмущаясь, когда он улетал в крапиву или бурьян. Бегуны то и дело вскрикивали, спотыкаясь на буграх.

– Вот ведь беда какая, – вертелась рядом с Аленой Томочка. – Король Моторову разлюбил, а Зайцева – Кабанова. К Ирке теперь Юрка пристаёт, а она его ругает и обещает несчастья наслать. Он уже четвертый раз на ровном месте наворачивается.

– Тома! Что ты такое говоришь! – устало отмахнулась от нее Алена. – При чем тут это?

– Ты ничего не видишь, – заявила с другой стороны Кузя.

– Чего я не вижу? – И в подтверждение своих слов Алена обвела взглядом растянувшийся отряд. Машинально пересчитала. Двадцать пять человек, полный комплект, а вернее, не совсем полный, без одного. – Все я вижу. Не выдумывай.

– Ничего ты не видишь! – поддержала подругу Томочка. – Моторова что-то задумала.

– Может, хватит уже? – остановилась Алена.

Томочка поджала губки.

– Злая ты, – тихо произнесла она. – От этого и все беды.

На мгновение, всего на одну секунду, Алене показалось, что Томочка ей кого-то напоминает. Но не своим круглым личиком и каштановыми волосами. Взгляд, полный осуждения, возмущенные ямочки на щеках, треугольный подбородочек...

– Уверен, это инопланетяне! – Мимо пружинящей походкой опытного походника прошагал Матвей со стайкой пацанов. – Гагарин был слишком знаменит, собирался второй раз в космос. Наверняка, когда совершал свой последний полет, увидел что-то такое, что инопланетянам не понравилось.

– Они его сбили?

– Взяли к себе!

– Кого же тогда похоронили?

– Он летал со вторым пилотом. Но в день эксперимента с ними отправился еще один помощник. После падения тела было трудно опознать, вот и решили, что помощник – это Гагарин. Хотя на самом деле Гагарин жив. Летает где-нибудь на далекой орбите.

– Как же могли ошибиться, если было официальное опознание!

– А что там опознавать! – горячился Матвей. – Ты представь только – самолет, эта тяжеленная махина, разбивается о землю. От человека ничего не осталось! Говорят, собирали по частям – обрывки одежды, часы с руки, фотографии, бумажник.

– Бред какой-то, – проворчала Зайцева.

– Да вы просто Гагарина не знаете! Смелый был человек, отчаянный. Если ему предложили такой полет, разве бы он отказался?

К Алене подлетела запыхавшаяся Миленья.

– А мальчишки дерутся, – сообщила Томочка.

– А мальчишки убить друг друга обещают, – поддакнула вынырнувшая из-под локтя подруги Кузя.

Глава шестая

Наперегонки с молнией

– Я ничего не помню! – орал Лешка, сидя в траве.

Футболка изважюкана в земле и закапана кровью. На скуле наливается краснотой синяк.

– Сейчас вспомнишь! – рвался к нему Кривой.

Нос разбит, верхних пуговиц на рубашке не хватает, на коленях ссадины. Один кроссовок потерялся в кустах репейника. С двух сторон его удерживали гвардейцы, Мишка и Давид. Гера прыгал перед его носом. Юрка отмахивался от помощника, как от назойливого комара.

– Не помнит он! Шварценеггер недобитый! Мозги прочисть!

– Отвали! – приподнялся с земли разозленный Королев.

– С друзьями договорился, а теперь воду мутишь!

– Какой же ты тупой! Говорят тебе – не помню! По буквам повторить?

– Врешь! Так не бывает! Как это – целый день и не помнит!

Кривой рванул, уклонился от растопыренных рук Геры и набросился на Королеву. Тот успел выставить кулак, а второй рукой начал отмахиваться, как будто хлестал противника веником.

– Ну, чего ты! – Пося кинулся Кривому под руку. – Говорят тебе...

– Ты еще... уйди! Убогий!

Валька головой вперед нырнул к Юрке, норовя боднуть в живот. Но Кривой легко отбился, так что Валька кувырком полетел к обрыву.

– Да вы тут что?! Белены объелись?! – ругалась Алена. – Матвей!

Вожатый недовольно нахмурился. Только он стал рассказывать про инопланетян, а тут... Ничего себе! Драка!

– Мама моя дорогая!

Рюкзак полетел в сторону. Вскоре туда же был отправлен Постников с разбитой губой и вывихнутым плечом.

– Ну, чего не поделили?

Матвей держал Лешку. Кривой сидел на земле, запрокинув голову, чтобы кровь не текла на рубашку, но при этом еще ухитрился показывать всему миру кулаки.

– Врет он все! – орал Юрка, забывая про разбитый нос, а потому наклоня голову и захлебываясь кровью. – Трепло!

– Юра! – перешла на ультразвук Алена.

– Так он треплется или ничего не говорит? – уточнил Матвей, во всем любивший четкость.

Кривой отмахнулся и завалился в придорожную траву.

– Ой мамочки, – сокрушалась Томочка, с любопытством разглядывая разбитые лица, кровавые дорожки на щеках и синяки.

– Держи!

Зайцева протянула Юрке свой носовой платок.

Сказать, что лицо Иры выражало сочувствие, значит ничего не сказать. В нем были отмеряны доля презрения, литр равнодушия и капля любопытства. Но платок свой отдала. Зато Моторова готова была разорвать собственную юбку, лишь бы спасти любимого. Она суетилась вокруг заметно успокоившегося Лешки. Платка у нее не было, она дергала подорожники, старательно слюнявила рубчатые листочки и прикладывала к ссадинам Королевы. Лешка морщился, отстраняясь.

– Прекрати, – устало бормотал он. – Ну, хватит. Уйди. Не надо.

– Из-за чего сыр-бор? – молодецки повел плечами Матвей.

– Кривой злится, что внимания ему не уделяют, – буркнул Гера, стоя на приличном расстоянии.

– Я тебе сейчас! – приподнялся Юрка, но оставил пока взбунтовавшегося гвардейца без наказания.

– Да я правда не помню, – отозвался со своей стороны тропинки Лешка.

Моторова блаженно улыбнулась и поднесла к его лбу очередной подорожник.

– Отстань ты! – взмахнул рукой Лешка.

Удар пришелся как раз по запястью (больно!), а потом ладонь Королева скользнула выше и заехала Ане по лицу.

Звонко так получилось. В этот момент все, как сговорившись, замолчали, удар вышел что надо – слышал каждый.

– Королев! – ахнула Алена.

– Ничего себе, – закудаhtала Кузя.

Моторова вздрогнула. Лешка испуганно подобрал ноги под себя.

– Я не хотел. – Королев даже руку спрятал за спину, словно ее могли отрубить за дерзость.

В груди у Ани булькнуло. Глаза Лешки стали расширяться. Теперь в них отражались не только растерянная Моторова, высокое небо с облачками, далекий лес, но и кое-кто другой. Какая-то девчонка...

– Черт! – прошептал Лешка.

Аня отпрянула от него. Бросила злополучный подорожник и стала тереть ладони о колени, словно пытаясь отчиститься от чего-то.

– Нет! – вдруг громко произнесла она и встала. – Нет! – повторила Аня настойчиво, будто споря с кем-то. А потом повернулась и в пустоту перед собой четко произнесла: – Не дожدهшься!

– А кепки у всех на головах? – не понимая уже, что происходит, пробормотала Алена.

– Совсем больной? – покрутил пальцем у виска Постников и побежал догонять Аню.

– Аномальная область, – философски изрек Матвей. – Вот и Гагарин тут разбился. Недаром инопланетяне решили его здесь забрать. Непростой район. Киrrrrржачский.

– Девочки, – взмолилась Алена. – Ну, помогите кто-нибудь Ане!

Никто не тронулся с места. Зайцева смотрела на реку. Томочка с Кузей в небо. Инопланетяне могли появиться в любой момент.

Несмотря на неудобную обувь, и на совсем не подходящую одежду, Моторова развила хорошую скорость. Она шагала по дорожке, не замечая ни пыли, ни камешков, ни тянущейся к ней крапивы.

– Ну что, убедилась?

Незнакомка чесала прямо по бурьяну. Ткань юбки с треском отрывалась от зацепившихся колючек. Теннисные туфли были усеяны головками репья.

– Отстань!

– Он все врал! Нет никакой любви!

– Отстань!

– А хочешь, я тебе еще одно доказательство покажу?

– Не хочу!

– Прикинь, он сегодня же признается в любви твоей подружке.

– Зачем?

Аня так резко остановилась, что незнакомка пролетела мимо, но возвращаться не стала. Замерла в стороне.

– Все мальчишки обманщики! Им надо за это мстить.

– Королев хороший.

– Видели мы сейчас, какой он хороший. Между прочим, он мне тоже в любви признавался.

– Все ты врешь!

– А ты думаешь, где он был целый день, пока его весь лагерь искал? Со мной. И было ему хорошо. И о тебе он ни разу не вспомнил. Даже обещал умереть вместе со мной!

– Зачем ты это делаешь?

– Хочу тебе глаза открыть, дуручка! На все ваши «чмоки, чмоки, чмоки...». Мальчишки вруны. И любви никакой не существует! Убей его!

– Нет! Ты все делаешь нарочно.

– Да! Это я поссорила тебя с твоим ненаглядным. И было это легко.

– Ну и дура.

– Почему дура?

Мир кувыркнулся. На мгновение небо поменялось местами с землей, облака взмахнули мохнатыми крыльями и с курлыканьем понеслись прочь.

Перед Аней стоял Постников. С побитой физиономией да еще и весьма озадаченный.

– Чего? – переспросила Моторова.

Из ушей словно затычки вынули. Действительность навалилась во всех своих звуках – жужжании, плеске, шорохе, криках.

– Чего я вдруг дура-то? – В голосе Поси звучала обида.

– Чего?

Аня пару раз моргнула, надеясь, что морок развеется и вместо Вальки перед ней окажется та противная девчонка. Но все оставалось, как прежде – Пося, один. Больше не было никого.

– Ничего! Я с тобой говорил, а ты все «нет» да «нет». «Пройдет это у Королева», говорю, а ты: «Не дождешься!» «Помочь чем?» спрашиваю, а ты: «Не хочу». Я тебе: «Бросай его, раз такое дело», а ты: «Королев хороший». «Ну, раз хороший, так, значит, изменится», говорю. А ты: «Все ты врешь!» Я спрашиваю: «Чем помочь?» А ты: «Зачем ты это делаешь?» «Да ни за чем», говорю. А ты как начнешь орать, что я все делаю нарочно, а потом вдруг «дурой» обозвала. Какая же я дура?

В широко распахнутых глазах Ани стали отражаться небо, быстрые стрижи, облака и далекий лес.

Она вдруг кинулась Посе на шею и поцеловала его в щеку.

– Спасибо! – прошептала.

– За что? – опешил Валька, который так ничего и не понял.

– За все!

Моторова помчалась дальше. За поворотом ее встретил физрук, сообщивший, что они дошли до места отдыха – здесь можно искупаться и перекусить.

– За все, – проблеяли у Поси над ухом. – Так, значит?

– О! Здорово! – обрадовался Валя.

Хотя радоваться особенно было нечему. Взгляд его новой знакомой не обещал хорошего. Злой он был. От такого взгляда обычно молнии бьют. И войны начинаются.

– Так, значит? – шепотом спросила она.

– Ты с нами идешь? – Как все истинные мужчины, Валька на такую ерунду, как сердитый взгляд, внимания не обратил. – Ты в нашем отряде, да? – осенила Посю догадка.

– Никуда я с вами не пойду! – обиженно крикнула девчонка, отступая прямо по зарослям репейника. – Нужны вы мне!

– Конечно, нужны! – Злого подтекста в словах Пося не слышал. – Ты вечером-то приходи!

Девчонка топнула ногой и скрылась за бурьяном. Заглядевшийся на нее Валя споткнулся о первую же кочку и упал на дорожку. Пока вставал, его догнали остальные.

– И правда, инопланетяне наступают, – изрек Гера, который теперь держался подальше от всех, а значит, шагал впереди.

– Места здесь такие... напряженные, – таинственно сообщила Ирка. – Непременно что-то происходит.

– Купаться! – позвал физрук. – Привал!

– Что вы несете? – разозлилась Алена. – Какое напряжение? Вы все тут с ума посходили!

– А Моторова в речку прыгнула! – слегка запыхавшись от бега, сообщила Кузя.

– Моторова утопилась! – поспешила донести новость первой Томочка.

– Да что ж такое! – рванул с места Матвей.

Но физрук успел раньше. Он уже вылез на берег из воды и путано объяснял.

– А я смотрю, – взволнованно вскрикивал физрук, встряхивая сотовым, который оказался в кармане его шорт и теперь неисправимо промок, – стоит как-то странно. И в одежде. А потом смотрю – плашмя в воду и ушла. Как толкнул кто.

– Вот вам и инопланетяне, – скривился Юрка.

– Что случилось? – не дойдя до берега, закричала Алена.

– Я споткнулась, – нараспев произнесла Моторова. – Просто споткнулась.

– Ну так под ноги смотри! – раздраженно выдохнула вожатая и начала искать глазами Томочку с Кузей с сильным желанием их утопить, чтобы в следующий раз не кричали, что не надо.

С рыжих волос Ани быстрыми струйками сбегала вода. Бледное лицо приобрело нехороший зеленоватый отлив.

– Ты зачем это? – присела рядом с ней странная девчонка. – Я же говорила – их убивать.

– Королев прекрасен! – икнула наглотававшаяся воды Аня.

– О Боже! – взвыла Зайцева. – Началось!

– Что в нем прекрасного? – разозлилась девчонка. – Ты посмотри на него? Он головы в твою сторону не поворачивает. А ты из-за него в речку.

– При чем тут он? – устало пробормотала Моторова. Внутри нее нехорошо булькнуло, словно желудок решил провести проверку своего содержимого. – Это же ты все подстроила. А он такой, какой есть. Именно таким он мне нравится. И это чувство – мое. У него могут быть ко мне другие чувства. Но ведь когда-то он меня любил, я знаю. И мне этого достаточно. Даже если он меня разлюбил.

– Это ты не понимаешь! – Девчонка поднялась. – Я их всех ненавижу! Я их прямо сейчас всех уничтожу!

Девчонка с яростью глянула на мальчишек. И они тут же стали падать в воду. Но не из-за ее взгляда, а потому что успели раздеться и собирались это сделать. Первым сиганул Кривой. Красивой рыбкой ушел в воду Королев. Постников спускался осторожно, ногой пробуя дно и тревожно вздыхая. Гвардейцы старательно толкали друг друга, пинали, а в результате бултыхнулись вместе, чуть не сбив Зайцеву, неспешно снимающую шорты.

– Ненормальные, – возмутилась Ирка. – Ты еще купаться пойдешь? – посмотрела она на подругу.

– Пойду! – вскочила Аня.

– Куда? – рванула ее за руку Алена.

– Купаться. – На лице Моторовой вновь цвела блаженная улыбка.

Тренькнул сотовый. Алена выпустила подопечную. Взять бы да крикнуть, чтобы все строились и шли обратно. Что за шутки? Не успели выйти, потеряли Кабанова, потом драка,

дурацкие разговоры об инопланетянах, Анькино падение в воду. И снова инопланетяне. Еще эта Канашевич не выходит из головы.

Телефон зазвонил.

– Алюша! Что у вас происходит?

Вожатая подняла голову, словно вездесущий Кирюша мог как раз в этот момент пролетать над ними на голубом вертолете.

– У нас привал. Купаемся. Сейчас бутерброды есть будем.

– Бутербродики, значит? Это хорошо, – неприятным голосом проговорил старший вожатый. – А с детьми что?

– Хорошо все с детьми. Купаются.

– Все?

Алена снова посмотрела на небо. Из-за леса тяжело наступала мрачная грозовая туча. Опять гроза! Сколько можно?

– Все.

– А не хотите ли вернуться?

Неприятный холодок коснулся горла, мурашками пробежал по рукам. Пальцы, державшие телефон, вспотели. Так и мерещилось, что рядом с Кирюшей стоит некто и кратенько пересказывает, что происходит в походе.

– Нет, у нас все хорошо.

– Ладушки, – с интонацией садиста, приближающегося к жертве, произнес Кирюша. – К четырем успеете? У памятника вас будет ждать автобус.

Алена вновь посмотрела на тучу. Идти еще километров десять. А времени только одиннадцать. Не просто дойдут. Доползут.

– Я помню.

И как она могла любить такого занудного типа? Хотя Томочка права, раньше он был другим. Ее любовь осталась в прошлом. И до сих пор там живет. Она, прошлая, любит прошлого Кирюху, только и всего.

– Ну что же, – сухо завершил разговор старший вожатый. – Возвращайся, поговорим.

– Конечно, поговорим!

Взгляд Алены приклеился к странной туче. Откуда она взялась? По прогнозу сегодня не должно быть дождя.

Она перевела большой палец, чтобы дать отбой, но Кирюшин голос успел пробиться.

– Я так понял, ты забрала всех? Об этом мы тоже поговорим.

– Там Кабанов остался, – забыв о конспирации, буркнула Алена.

– Всех...

Палец дернулся, прерывая связь.

Алена пересчитала по всем головам: прыгающих по берегу, лежащих на траве, готовящих бутерброды и бултыхающихся в воде.

– А при чем здесь Кабанов? – прошептала она в гаснущий экран сотового.

Ответом ей были далекое ворчание и порыв ветра. Гроза обещала быть нешуточная.

– Матвей, что делать? – кинулась к напарнику Алена.

Матвей только что вышел из воды и пребывал в весьма благодушном настроении. Широкие плечи, рельефные мышцы, вожаденные для многих мальчишек «кубики» на животе, ноги... Алена быстро подняла глаза – сейчас надо было думать о детях.

– А вот поедим и к лесу.

Матвей довольно потянулся.

– Под деревьями от грозы не прячутся, – напомнила Алена. В душу вернулось знакомое раздражение на вечно спокойного напарника.

– Под одиноко стоящим деревом не прячутся, а в лесу – в самый раз. – Матвей накинул на себя полотенце. – А ну, кто мне даст бутерброд?

– Я вас здесь всех уничтожу... – вздохнула пустота. Или это гром опять заворчал?

Алена набрала номер Карины. Телефон пискнул и сбросил звонок. Значок связи пропал. Что это? Случайность? Или кто-то специально лишил ее возможности позвонить?

А вокруг гомонили. Никто как будто не видел тучи, не чувствовал усталости. Мимо прошел Пося, неся на салфетке два бутерброда, один с колбасой, другой с сыром. Зубами подцепил кусочек мяса и с явным удовольствием сжевал его.

– Бутер будешь? – присел он около знакомой девчонки, щедро отдавая ей уже разоренный бутерброд.

– Плавать не умеешь? – презрительно отодвинулась и от Вальки, и от его угощения девчонка.

– Почему это не умею? Умею, – обиделся Пося, доедая колбасу и бросая хлеб на землю. – А ты чего не ешь? Там на всех. Можно и лишний захватить. Кабанова-то нет.

– Нет, – согласилась девчонка.

– Вот дурак, в лагере остался, – хохотнул Пося. – Что он там будет один делать?

– Он уже ничего не делает, – холодно ответила девчонка.

– Дрыхнет, значит. – Валька со всех сторон изучил второй бутерброд и решил съесть только сыр.

– Навсегда задрых! – резко отозвалась девчонка. – И ты тоже скоро дрыхнуть будешь! Навсегда!

Валя замер. Хлеб в руке показался ему липким и неприятным.

– Ты чего? – осторожно спросил он.

– Что ты за мной ходишь? – закричала девчонка. – Жизнь себе выпросить хочешь? А я не дам тебе жизни! Вы здесь все умрете!

– Ты чего? – повторил Пося.

– И не ходи за мной! Ты такой же, как все! Дурак и обманщик!

– Болит что? – сменил вопрос Валька.

Девчонка вскочила и помчалась через поле навстречу туче.

– Чего вы все на меня орете? – обиделся Валька. – Чего я сделал-то?

Девчонка казалась уже небольшой кляксой на фоне луга. Она бежала, высоко подпрыгивая, видимо, взбираясь и спускаясь с кочек. Пося еще успел подумать, что, наверное, в юбке бежать неудобно, что она как-то странно оделась для похода. Но вот девчонка подпрыгнула и не приземлилась. Черным мячиком взлетела к небу, вспыхнула, а потом начала приближаться.

– Э! – попятился и, конечно же, споткнулся Валька. – Ты чего?

Светящийся шарик мчался на него.

– Э! – заорал Пося. – Э!

– Всем стоять! – рявкнули у него над головой.

– Что? Что?! Что?..

«Ччччшшшшшшшш», – змеиным шипением прокатилось над берегом.

– Ой, – тяжело выдохнула Томочка.

– Не шевелимся! – одними губами произнес Матвей.

Он стоял на напряженных, согнутых ногах, сильные пальцы комкали ненужное сейчас полотенце.

Шаровая молния с гудением зависла над рекой. От земли вдруг стало парить. Гудение входило в воздух, как нож в перину.

Все застыли в нелепых позах. Оставшиеся в воде гвардейцы перестали бултыхаться и потекли вниз по течению.

Жужжащий, как раздраженный шмель, шар чуть подрагивал, выбирая, на кого напасть первым.

– Мамочки, мамочки, мамочки... – шептала Томочка, глотая быстрые слезы.

Кривой медленно поднимался, не сводя глаз с молнии, словно хотел грудью кинуться на нее. Матвей так же медленно сжал кулак, предупреждая, что если Юрка что-то сделает, ему не поздоровится. Кривой ухмыльнулся.

– Ай!

Все непроизвольно вздрогнули.

Королев держался за пучок травы – перед тем, как всем приказали замереть, он выбрался по крутому берегу из реки, да так и застыл, медленно сползая обратно в воду. Пальцы свело судорогой. Трава, за которую он держался, выскальзывала. И вот – выскользнула.

Лешка взмахнул руками и рухнул в воду. Все непроизвольно подались вперед.

– Стоять!

Шаровая молния метнулась к Королеву. Матвей бросил полотенце, сбивая ее. Не попал. Молния шарахнулась в сторону.

– Королев! – завопила Аня. Она как раз стояла за Постниковым.

Одно движение, и молния ринулась к ней.

– Да иди ты! – только и успел сказать Валька, кидая в пространство перед собой кусок хлеба.

Запахло паленым. Раздался хлопок. На мгновение все ослепли.

– О! Вот и хлебцы поджарились, – воскликнул Кривой.

Томочка икнула раз, другой, прикрыла рот ладошкой и, икая, зашагала прочь. Моторова потащила из речки обалдевшего Королева. Гвардейцы с гоготом пытались преодолеть течение, физрук сокрушенно бегал вдоль берега. Пося почувствовал, что ноги его одеревенели, и тяжело осел на землю. Юрка крутил в руке черный уголек.

– А хлеб-то пережарился, – расстроено сообщил он.

– Ик! Ик! – только и слышалось из зарослей бурьяна.

В тревожном молчании отряд бежал через поле к лесу. Впереди неслись физрук Гусев. Пустой оранжевый рюкзак высоко подпрыгивал на его спине.

Туча напознала тяжелым блином, в ее утробе ворчало, вспыхивал электрический свет. Ветер бил в лицо, сшибал с ног.

Матвей бежал легкой рысцой, постоянно оглядываясь, чтобы не сильно обгонять подопечных. И чтобы им не было так страшно, без остановки, не задыхаясь, говорил:

– Когда Гагарин разбился, тоже была повышенная облачность.

– На летающую тарелку не похоже, – отозвался Гера.

Туча надвинулась, вобрав в себя дневной свет. Поле накрыли сумерки, лес почернел. Вспышки стали чаще. Били они всухую, без грома и пока были не видны. Но вот яркий электрический зигзаг разорвал небо. Молния лишь немного не дотянулась до земли.

– Замерли!

Словно упершись во что-то, молния дала искру, собираясь в комок.

– Что за черт? – воскликнул физрук.

Шар ринулся к застывшим фигурам.

– Сюда! – вдруг заорал Кривой и, размахивая руками, помчался в сторону.

– Стой! – побежал за ним Матвей.

Молния юркой ящерицей метнулась за бегущими.

– Эх! – только и успел воскликнуть Юрка.

Возмущенное гудение, хлопок, вспышка. Куст репейника задымился. Кривой поднял голову.

– Не попала! – крикнул он.

Народ загалдел.

– Двигаемся дальше! – приказала Алена.

Матвей добежал до чадающего бурьяна.

– Сделаешь так еще раз!.. – встряхнул он блаженно улыбавшегося Юрку.

– Под дерево! Под дерево!

У Матвея в запасе было достаточно слов, чтобы прибить Кривого на месте, но он бросил его.

Томочка вела девчонок к тощему ряду деревьев, что тянулся через луг.

– Куда? – заорал вожатый.

– Прячемся! – заверещали перепуганные девчонки.

– Назад!

Ахнуло небо, выплевывая из себя сгусток электричества.

Девчонки скрылись под деревьями. И тут, словно чье-то злое око внимательно следило за ними – молния шарахнула в высокую сосну, стоящую крайней в жидком ряду.

Матвей оттолкнул бежавшего рядом с ним Юрку.

– Уводи остальных в лес!

Ветер взвыл с новой силой, желая повалить не только деревья, но и мечущихся по полю людей. Земля дрогнула от грохота. Шаровая молния мячиком прыгнула с небес и заметалась, зашипела, разбрасывая возмущенные искры.

– Стой! – заорал Матвей, но Юрка не слышал его. Он несся наперерез молнии.

– Умри! – срывая голос, завопил вожатый.

Молния дернулась в Юркину сторону.

Ливень накрыл водяной стеной. Он начался мгновенно, бурно. Сплошным потоком с неба полилась вода. Тяжелые капли зло стучали по голым плечам и ногам, вбуравливались в затылки и макушки, барабанили по козырькам кепок.

Матвей налетел на девчонок и, как курица над цыплятами, раскинув руки, погнал их к уже недалекому лесу.

Тучи еще озарялись возмущенными всполохами. Так и не разорвавшаяся шаровая молния по водяной струйке ушла вверх, и теперь там жаловалась своим собратьям на неласковый прием на земле.

Гром нехотя ворчал, тучи сдавали завоеванные позиции. Стоило ребятам скрыться в лесу, как дождь начал ослабевать. Тучу вело в сторону. Она отползала, оставляя за собой отмытое небо, полное солнца, радости и лета.

Глава седьмая

Трава дьявола

Они сидели на сухих иголках под елками. С широких лап стекали последние капли дождя. Лужицы весело булькали, хлюпали и чавкали, принимая жизнерадостную капель.

Томочка икала. Кузя гладила ее по плечу, но непроизвольная судорога все сотрясала и сотрясала тело Миленькой.

Мальчишки по-деловому оголились по пояс, выжали свои футболки и рубашки, и теперь подставляли солнцу сутулые спины и тощие плечи. Юрка грыз соломинку. Гвардейцы вырывали друг у друга уже заметно потрепанный зеленый стебелек, совали заостренные листья в рот.

– Что вы, как коровы, ботву какую-то жуετε, – одернула их Алена.

– Прикольная такая... кисленькая.

Кривой лениво отобрал у гвардейцев гладкий стебелек и понюхал его. Подумал было гаркнуть на одного из двух оставшихся приспешников, но не стал ничего делать. После совершенных подвигов он был благодушен. Мир спасти ему понравилось. Он готов был и дальше побеждать драконов.

– Крапива? – Алена издали посмотрела на перепачканные зеленью руки Кривого, на зубчатые листики на мятом стебельке.

– Мы тебе уже показывали. Она у нас в лагере растет. Попробуй, нервы успокаивает.

– Мне сейчас совсем упокоиться не хватает.

Алена сунула кусочек листика в рот, вдумчиво пожевала. Горечь неприятной кляксой расплылась по языку, связала горло.

– Что за гадость! – сплюнула она, вдохнула, чтобы прогнать неприятный вкус. Но холодок только усилил противный вкус.

– Хватит ерундой страдать! – стукнула она по рукам Юрку, заставляя выбросить растение. – Голодны – делайте себе еще бутерброды.

– Нет бутербродов, – вздохнул физрук.

Он сидел над рюкзаком. На мокрой траве были разложены белые ошметки – все, что осталось от хлеба.

– Значит, ешьте колбасу, – разозлилась Алена. – Прямо от батона и откусывайте.

С чего вдруг в ней проснулась такая ярость? Все живы, все здоровы, ничего страшного не случилось и не случится.

«Ик», – возразила ей Томочка.

Алена покосилась на Матвея. Он снова демонстрировал свои безукоризненные мышцы – майка сушилась на его плече. Вожатый поймал ее взгляд и довольно потер руки.

– Что же! – громогласно возвестил он. – В путь! Выйдем из леса, там обсушимся и отдохнем.

Все с кряхтением стали подниматься, по новой принялись жаловаться на мокрые ноги, натертые пятки, отбитые в беге ступни, а за компанию на холод и голод. Одна Моторова осталась сидеть. Ноги ее были разбиты в кровь. Во время бега одна лялочка в сандалиях не выдержала и лопнула, нога осталась босой, на другой ноге ремешок натер мизинчик.

– Ты, как всегда, вырядилась, – уронил на нее свое веское мнение Королев.

– Ну да, – покорно согласилась Аня, и улыбка ее при этом стала грустной.

– Кто же так в поход-то ходит? – продолжал праведно негодовать Лешка.

– Так получилось, – спокойно ответила Моторова, не собираясь обижаться на его резкие слова.

– Отвали от нее, – как всегда грубо, вмешалась Ирка. – У тебя все с копытами в порядке? Вот и топай!

Лешка и потопал, причем с весьма довольной физиономией.

Постников стоял в стороне, то трогая пальцами щеку, то прижимая пятерню к груди. Но вот, решившись, он подошел к Алене.

– Нам нельзя идти дальше, – с волнением воскликнул он.

– И ты туда же! – возмутилась вожатая.

Сотовый намок и выключился, в объективе фотоаппарата скопился конденсат, футболка и носки промокли, а переодеваться было не во что. Алена готова была сейчас порвать любого встречного, а особенно Посю с его жалобами.

На Валькино взволнованное восклицание все с готовностью остановились. Один физрук продолжал колдовать над своим промокшим рюкзаком, перекладывая с правой стороны на левую расползающиеся хлебные мякиши.

– Тут девчонка странная крутится! – От неожиданного внимания Пося стал волноваться еще больше, а потому уже чуть ли не орал. – Я ее в лагере видел. Все бубнит, что она нас уничтожит.

– Ты уверен, что такие страшилки надо рассказывать днем, а не ночью? – рыкнула на него Алена.

– Это не страшилка! Это правда! – От того, что ему не верили, Валька перешел на взволнованное взвизгивание.

– Какая правда? – Алена еле сдерживалась, чтобы не врезать надоедливому Посе.

– Это она в молнию превратилась. – Валька кричал, и криком пугал сам себя. От страха глаза его стали огромными. Он даже пятиться начал. – Сначала сказала, что все мальчишки вруны, а потом пообещала всех убить.

– Ты ее видел? – удивленно прошептала Аня.

– Что за ботва? – хрипло спросила Ирка. – Что за серийный убийца?

– Нам нельзя туда идти! – суетился Пося. – Надо возвращаться!

– Куда возвращаться? – спокойно спросил Матвей и положил ладони Вале на плечи. – Нам осталось идти два часа, нас будет ждать автобус. Обратно топать дольше. Через лес пройдем, там будет деревня. Купим молочка парного...

– Нет, нельзя! – стал вырываться Валька.

Народ возбужденно загудел, обсуждая неожиданную новость.

– На фиг рисковать?! – выкрикнула Ирка.

– Мы рискуем только попасть в воображариум писателя Постникова, – возмутился Королев. Ему не терпелось двинуться дальше.

– Нет никакой девочки, – шумела женская половина отряда во главе с Томочкой. – Выдумки Поси.

– Есть, – тихо произнесла Аня и уткнулась подбородком в свои коленки. Сейчас она особенно остро поняла, что любит Королеву и не сможет без него жить.

– Чего, правда, что ли? – присела рядом Зайцева.

– Да вон же она, с бензопилой! – радостно воскликнул Кривой.

Лес потонул в воплях и криках. Девчонки прыснули в разные стороны. Кузя тащила икающую Томочку. После недолгих метаний все рванули вверх по дороге, через кусты бересклета, рябину и колючую малину.

– Вставай! – потянул за руку тихо сидящую Анечку Королев.

Она послушно встала, послушно побежала. Впереди мелькала голая спина Кривого.

За пригорком шум усилился.

– Не пройти!

– Болото!

- Потонем!
- Тихо!
- Пусти!
- Бежим!
- А ну все успокоились!

Алена взбежала на пригорок и остановилась. Отряд горохом рассыпался по кромке топкой трясины. Томочка икала с частотой пулеметных выстрелов.

– Ну, давай уже! – тянул спотыкающуюся Аню Лешка.

– погоди! – Моторова вырвалась и тут же упала.

– Всем стоять! – Для верности образу Алене не помешал бы колых, и пара выстрелов из него в воздух. – Никакой паники!

Но тут у вожатой в глазах все немного раздвоилось. Вроде бы мир остался таким, каким и был – наполненный светом и воздухом лес после ливня, но в то же время что-то стало с его красками. Они исчезли. Темно-серые деревья, темно-серая трава. И на этой траве стоит Канашевич. Серая футболка, серая юбка, белые теннисные туфли – символ бесцветия. Смотрит зло.

У Алены во рту вновь появился неприятный привкус, словно она опять пожевала странной травы.

Канашевич исчезла. Миры соединились, все вокруг заполнили цвета и звуки.

Мальчишки штурмовали болото. Впереди почему-то оказался Кривой. Алена была уверена, что он пошутил, крикнув про девочку. А раз так, то чего он-то испугался?

– Подержи его! – Матвей передал Алене в руки обмякшего Посю. – Все за мной! – молодецким криком созвал свою разбредшуюся паству вожатый.

Его крик подействовал, ребята перестали суетиться и потянулись за побежавшим вдоль низины Матвеем. Кривой тянул из болота застрявшую Зайцеву. Они извоились в грязи, даже носы у них были перепачканы.

– Глаза открой! – Алена встряхнула ослепевшего от страха Вальку. – Нет никого!

– Как же нет, – вяло улыбнулся Пося. – Вон стоит, на Юрку смотрит.

Алена снова взглянула вниз. Канашевич не было, зато в болоте творилось что-то невозможное – Кривонос тонул. Он стоял по пояс в трясине, дергался, а прочь от него по колению в воде брела Зайцева.

Алена выпустила Вальку, отчего он сразу же сполз на землю и растекся по ней безвольной тушкой.

– Все пропало, – прошептал он.

– Никуда не уходи! – крикнула вожатая.

Пося и не мог никуда уйти – ноги его больше не держали.

Алена метнулась туда-сюда по кромке топи, не зная, с какой ноги шагнуть.

– Не делай ничего, – раздался рядом голос.

– Черт! – крутанулась на месте Алена, но никого не увидела. – Все-таки это ты!

– Знаешь, почему все это произошло? – Слова возникали из воздуха и тут же растворялись в пустоте. – Потому что любви нет. Есть только предательство.

– Маленькая! Глупая! Дура! – рывкнула вконец разозленная Алена.

– Это ты во всем виновата! – завизжали прямо в ухо. – Ты тоже меня не любила! Ты могла просто подойти, просто пожалеть, но не сделала этого! Тебя поэтому и Кирюша бросил. Ты – холодная.

– Ну до чего же вы все, маленькие, дальше своего носа не видите! С чего ты взяла, что тебя не любили? Что тебе не помогали? Это ты сама для себя так решила, чтобы пожалче было.

– Нет! Он бросил меня!

– Чушь! Хоть бы подошла один раз поговорить! Надумала себе бед и носилась с ними, как с писаной торбой! Это ты была увлечена Пашкой, а он тебе и взаимностью-то не отвечал! Задурила парню голову своей игрой в смерть.

Послышалось сопение. После таких звуков обычно начинается истерика. И она появилась в голосе.

– Любви нет! Все обман!

– А что – родители тебя не любили? Друзья? Ты же их сама бросила! Предала! Слышишь? – Голос у Алены сорвался. – Кинула! Ушла, а они здесь на твою могилу ходят. Мать до сих пор в себя прийти не может. Все надеется, что ты вернешься из лагеря. Ты сама никого не любишь! Думаешь только о себе! Что тебе дала твоя смерть?

– Известность. И любовь. Теперь меня будут помнить. Я убью здесь всех, и обо мне заговорят!

Алена взвыла от бессилия. С каким удовольствием она сейчас отхлестала бы глупую девчонку по щекам. Это надо же – до такого додуматься. Да какое – до-думать-ся! Нет, мыслительным процессом здесь и не пахло. Скорее полным отсутствием одного.

Вожатая глубоко вздохнула. Закрыла глаза. Если глюк, то сейчас пройдет. Не прошло. Канашевич стояла рядом, в каждом глазу было по кусочку льда.

– Ты знаешь, что такое любовь? – тихо спросила Алена.

– Знаю! Я отлично знаю, что такое любовь! И хватит меня ругать!

– Любовь – это когда отдаешь и от этого испытываешь радость. А ты кому что отдала?

Ответа на свои слова Алена услышать не успела.

– Королев!

До этого незаметно сидевшая среди травы, листвы и солнечных бликов рыжая Аня вскочила и бросилась к трясине. Там снова барахтались двое. Но не Ирка – она успела выйти и теперь с яростью изучала испорченные кеды и грязные шорты. Рядом с Юркой на топком месте увяз Лешка. Они вцепились друг в друга, словно так чувствовали себя надежней. Их уже засосало по грудь. Кривой все откидывался назад, приостанавливая неминуемый конец.

– Королев!

Рыдающая Моторова прыжками неслась через болото. Одна нога босая, на другой болтается почти оторвавшаяся сандалия. То ли оттого, что она бежала, то ли оттого, что босая – перемещалась она по болоту, как по сухой земле. Но вот из-под ног брызнула вода. Анька бухнулась на пузо и, задрав неудобную юбку повыше, ловко поползла к мальчишкам.

– Назад! – оторвалась от изучения своих потерь Зайцева. – Моторова! – замахала она руками.

Алена пришла в себя, когда почва под ней чавкнула и пошла вниз – она тоже шагала по трясине, не замечая этого.

– Королев! Держись!

Аня почти поползла до мальчишек, заранее вытягивая черную от грязи руку. Кривой кинул себя вперед, стал размахиваться, пытаясь уцепиться за Моторову. Королев тоже дернулся.

Алена побежала, чувствуя, что с каждый шагом ее все сильнее утягивает вниз, что ноги становятся все неподъемней. Нет, не успеет, уйдет в болото с головой раньше, чем доберется до подопечных.

– Стой!

Крик накрыл болото. И было уже непонятно, кто кричит и зачем. Потому что стоять и вертеть головой нельзя, ни в коем случае нельзя!

– Королев!

Кривой карабкался по распластавшейся в грязи Ане, а она все тянула и тянула руки к Лешке. Он зачем-то махал в ее сторону кулаками.

Алена споткнулась о кочку и упала в мутную воду. Нога провалилась, и вытащить ее уже не было сил. Вожатая откинулась на спину, почувствовала, как холодная вода быстро забирается под одежду, леденит спину, касается волос, разгоняет перепуганные мурашки, и заплакала. Все бесполезно. Этот мир ничего не спасет. Никакая любовь! Ее и правда нет. А если она приходит, то приносит беды, страдания и отчаяние. А когда уходит одна, следом за ней тут же заявляется другая, ворошит в груди горячей кочергой, выковыривает сердце, которое и так осталось с горошину.

Болото продолжало жить своей жизнью – чавкало и хлюпало.

Алена приподнялась на локте, и ей показалось, что все рассказы Матвея тут и осуществились. Они прилетели. Через сорок четыре года...

К ней шли инопланетяне. Уродливые, огромные, с перекошенными головами, с мерзкими оскалами на лицах. В прошлый раз забрали Гагарина. Кого теперь? Алену? Она-то им зачем?

Слезы смыли картинку действительности, горло перехватил спазм.

– Ты только не дергайся!

Алену что-то резко обхватило под грудью и больно потянуло вверх. Она уцепилась за это что-то. Под пальцами оказалась ткань.

Открыла глаза. Матвей отполз от нее на расстояние вытянутой руки и резко придвинул к себе, держа за сведенные концы майку, которой была обмотана Алена. Еще два рывка, и они оба – в безопасности.

А чуть в стороне, по краю болота, брели три инопланетянина. Ссутулившись, свесив от усталости руки, с опущенными грязными головами. Как только под ногами оказалась твердая земля, Аня присела на первую же кочку, а Королев с Кривым, машинально переставляя ноги, побрели дальше.

– Больная! – подскочила к Моторовой Зайцева. – На всю голову! – орала она своим хриплым голосом. – Ты же могла утонуть.

Аня блаженно улыбалась. От слабости ее вело из стороны в сторону. Она пару раз качнулась и, не удержавшись, завалилась на землю. Повернула перепачканное лицо к небу. Какое оно было... тихое.

Но тут на фоне неба появилось хмурое лицо лучшей подруги.

– Ну и чего ты тут валяешься? Дура! Круглая!

– Не шуми, – прошептала Аня и чуть подвинулась, чтобы вновь видеть небо. Теперь оно было просто голубое, слегка выгоревшее от солнца, перечеркнутое спешными перелетами стрижей, белая бровка – след от самолета – встала удивленным домиком.

– Ну и что ты доказала? – злилась Ирка, не умевшая и не желавшая никого любить. – Он к тебе все равно не вернется.

– Ну и пусть.

Анина улыбка стала шире. Болотная грязь на лице высыхала, от движения губ и щек некрасиво трескалась.

– Главное, что его люблю я.

– А ему на тебя плевать! – лила свой яд Зайцева.

– Ты знаешь, любовь ведь никуда не девается. Если она была, значит, она и сейчас есть.

– Нет никакой любви! – заорала Ирка, желая из последних сил доказать что-то. – Нет!

А вот утонуть ты могла!

– Не могла. – Анин голос стал тонким, невесомым. – Я и не собиралась этого делать.

– Ну ты... совсем, – аргументы у Зайцевой закончились.

– Ира, – медленно подошел к ним Кривонос.

Подошел осторожно, спрятав руки за спину. Таким тихим и пришибленным он никогда еще не был.

– Да отстаньте вы от меня! – взорвалась Зайцева, взмахнула руками и побежала прочь. Туда, где собирался отряд. Остановилась, словно на кочку налетела. Быстро повернулась: – А ты, Юрец, в первую очередь пошел на фиг!

И снова побежала. Чтобы в движении распылить свое раздражение и злобу на окружающих ее людей.

– Ты жива? – грустно спросил Юрка, глядя на улыбавшуюся Моторову.

– Мне хорошо, – пропела Аня и закрыла глаза.

Мир теперь был полон звуков. Ярких. Они наводняли все вокруг – звук солнца, лившего на землю свет, шорох крыльев далеких стрижей, звон идущего где-то дождя.

– Ну ты, это... – Юрка искал слова. – Круто там, короче.

Он кивнул на болото, которое отсюда, с берега уже не выглядело таким опасным. Всего каких-нибудь метров сто. В две секунды перебежать можно. Воды в нем вроде бы не так уж и много.

Аня ухмыльнулась, не открывая глаз. Круто – это жить, а все остальное – составляющее.

Алена сидела, тяжело привалившись к широкому плечу Матвея, и бездумно водила по его ладони пальцем.

– Ну что, милая моя, – ровным голосом спросил напарник, – пришла в себя?

Шевелиться не хотелось. Вот бы закрыть глаза и проспать часов двести. А потом проснуться – и чтобы началась совсем другая жизнь. А еще хотелось растянуться на земле и послушать, как там идет ее нутряная жизнь – кто ходы копает, кто камешки перекладывает, как горячее ядро в магме бултыхается...

Она села ровнее, не цепляясь ни за что взглядом, осмотрелась. На пригорке собирался отряд. Между ребятами бегал физрук, не давая никому спускаться, хотя мальчишки рвались сбежать, узнать, как дела. Остальные возбужденно кричали, размахивали руками, звали к себе. Пося держался за плечо. Врезать ему успели, что ли? Мимо протопали трое. Впереди брел Королев, поникший, с опущенной головой. Словно его не из болота вытащили, а только что смертный приговор зачитали, но перед самой казнью успели отменить. Его догнала Зайцева, сильно толкнула Лешку, так что тот остановился. Но отвечать не стал. Побрел дальше. Идущий последним Кривой наклонился, что-то сорвал, сунул в рот.

Зеленый стебелек в его руке встревожил Алену. Она подалась вперед.

– А что это за трава?

– Какая трава? – бодро отозвался Матвей, перехватил Аленин взгляд и резко свистнул. – Эй! Боец! Вернулся!

Кривой все так же лениво сменил направление и пошел обратно.

– Ладонь показал! – перешел на военный тон Матвей.

Стебелек был изрядно пожеван, от листика осталась половина. Вожатый осторожно понюхал его.

– А чего? – равнодушно протянул Юрка. – У нас такой же в лагере растет. Да ты его уже видел!

– Я вам запретила жевать всякую гадость!

Возмущаться, глядя на собеседника снизу, неудобно, но Алене лень было вставать, поэтому она просто отвернулась. О чем можно говорить с Юркой?

– Нормальная ботва. Прикольная такая...

– Ага, прикольная... – Матвей размял стебелек в пальцах, понюхал, лизнул надломленный листик. – Знаешь, как называется?

– Трава. – Юрка смотрел в сторону. Ботаника его не интересовала.

– Дурман, или белена. У него еще такие белые цветочки, похожие на удлиненные колокольчики? Вороночкой, да?

– И чего?

– Кого вы там последнее время постоянно видите?

– Тебя с Аленой.

Матвей посмотрел на напарницу. Алена сидела, поджав ноги, готовая вскочить.

– Все ваши покойницы – это галлюцинации, – припечатал Матвей. – Дурман – сильнейший галлюциноген. Давно вы его жуете?

– Пару раз всего, – буркнул Кривой. – После него жрать не хочется.

Алена оглянулась, проверяя, не сошла ли Земля с орбиты, на месте ли горизонт.

Сколько надо съесть белены, чтобы начались галлюцинации? Пол-листика достаточно? Ладно, мираж – земли нет, а ты ее видишь. Но говорящая галлюцинация? Обещающая убить и убивающая?

Алена встала и пошла к болоту.

Трясина – галлюцинация? И то, что они тонут? Разве может быть глюк один на всех? Независимо от того, кто что жевал и когда?

Нутряная дрожь потрянула Алену, и она побежала к кочкам, за которыми еще недавно барахтались Кривой с Королевым. Вот они, сочные кусты осоки, вот березка. За ней все началось, ведь так?

Деревце, густая трава, низинка. Чавкнуло под ногами. По щиколотку. Еще бы! Такой ливень прошел.

Дальше, дальше. Бугорок – лезет вверх прошлогодняя мурава. Обзор, как со смотровой площадки, но никакого болота не видно. Трава – высокая, осока – острая, чахлые деревца... тонкие. Лужи. Взвеси грязи.

Алена спрыгнула с кочки и потопала обратно. Коротко скомандовала:

– Идем дальше!

Матвей с Юркой замерли от удивления, а вожатая продолжала отдавать распоряжения:

– Моторова! Встала!

И повернувшись к остальным:

– Пошли! Нас будет ждать автобус! – Махнула рукой физруку, чтобы поднимал детей. – По коням! Мы и так много времени потеряли. – И уже тихо, для себя прошептала: – Надо двигаться, стоять запрещается. Ей нельзя давать время придумать новую каверзу. Чем быстрее доберемся до места, тем лучше. А потом – лагерь, в лагере все станет проще.

Вожатая зашагала, четко глядя прямо перед собой. Краем глаза заметила, как рядом появилась пара перепачканных в грязи ботинок. Моторова шла широко, не отставала.

– На самом деле ничего нет, – решительно произнесла Алена. – Все мы себе сами придумали. Не знаю уже, кто первый вспомнил Канашевич, но о ней заговорили, вот она и привиделась. Карина говорила, что девчонки ее расспрашивали – отсюда все и пошло. Третий день гроза. Воздух наэлектризовывается, от этого чудится разное. Хорошо еще, зеленые человечки не побежали...

Грязные тенниски чуть обогнали вожатую, и прежде чем она подняла голову и вспомнила, что Моторова была в сандалиях, Канашевич презрительно заговорила:

– Я так и знала, что этим все закончится. Вам мало молний и воды? Подумаешь, спаслись... Подумаешь, я вам не нравлюсь. Вы мне тоже не нравитесь. И гроза здесь совершенно ни при чем.

Алена зажмурилась и протянула руку. Она была уверена, что ничего не нащупает, но вот пальцы коснулись чего-то холодного. Или это холодный ветерок сыграл с ней злую шутку, мазнув по руке?

– И я всегда буду с вами, – шепнули Алене на ухо. – Потому что забывать обо мне нельзя.

– Только тронь кого! – развернулась к голосу вожатая.

Смех взорвал мозг, огнем прошел по венам.

– А чего там трогать? Они сами пришли.

– Кто? – Алена крутанулась на пятках.

– Они нашли мой пакет. Я его закопала около изолятора, а в нем куколка. Помнишь, мы такие делали после тихого часа? А потом... – рядом посопели. – Он... Пришел и говорит: «Ты все можешь – убери соперника». И еще в любви признался. А я смотрю – врет. Ну и наказала. Ты же сама говорила, что врать нехорошо... Или что изменилось? Может, за последние три года стало можно?

– Кто? – Вожатая спешно пересчитывала по головам свою паству. От волнения в глазах все прыгало, счет сбивался. Кого нет? Кого?

– Дальше – больше будет.

И вдруг, как холодный душ – Кабанов! Он не хотел оставаться в лагере. Он собирался идти со всеми. Он сидел за беседкой, ждал, когда уйдет Курицын, он пошел к выходу из лагеря, но не дошел...

Сотовый телефон затрезвонил среди лесной тишины заполошными звуками. Как так? Ведь умирал! Ведь не работал...

– Мать моя! – повышенным тоном начала Вера Павловна. – Что у вас там творится?

– А у вас? – заторопилась Алена. – Вы Кабанова видели?

– Ну ты, мать, даешь! Сама же подписала всем заявление, у всех дела нашлись. Где я его должна была увидеть?

– И совсем-совсем не видели? – упавшим голосом переспросила Алена.

– Так, что еще произошло? – сразу перешла к делу врач.

– Ничего, – прошептала Алена. – В грозу попали и в болоте чуть не утонули...

Телефон пискнул. Экран медленно погас, чтобы больше не загореться никогда.

– Огонь, вода... – задумчиво произнес неприятный голос. – Будут вам и медные трубы!

– Сумасшедшая, – прошептала Алена. – Совсем сумасшедшая.

– Ну, что тут у нас?

Матвей крепко обхватил Алену рукой за плечи, и от этого простого движения ей вдруг стало легко и спокойно.

– Это неправда, что я злая! – с обидой выкрикнула Алена.

– Кто тебе это сказал?

Алена дернула подбородком, показывая на пустоту перед собой.

– Что за фигня? – удивился Матвей – а удивить его было очень не просто. Но сейчас даже уши шевельнулись, выражая негодование. – Добрая. Чем мне и нравишься.

– Что?!

Матвей кашлянул, осторожно снял руки с Алениных плеч, зачем-то глянул на небо.

– Идем, идем, – подогнал он уставших ребят. – Хватит сидеть! Побежали, побежали!

На выходе из леса построились, кое-кто повалился на землю.

– Первое, – прошелся перед строем Матвей. – Никакую траву не рвем, ничего в рот не тащим! Второе! До пункта назначения – восемь километров. Это два часа прогулочным шагом. Обувь проверили, шнурки перевязали. Одежда через пять минут похода высохнет. Третье! Давайте обойдемся без розыгрышей! Еще одна шутка про привидения – и заставлю отжиматься. По количеству слов в сообщении. О том, что кто-то видел привидение или утонул в болоте, а потом воскрес, будете рассказывать вечером после отбоя. Приберегите слова для ночных страшилок. Хватит друг друга пугать – не было ничего! И – четвертое! У кого мобильный не сдох? Дайте трубу, в лагерь позвонить.

Работающий сотовый обнаружился у Кузи. Отдала она его с кокетливой улыбкой.

– А как это – ничего не было, если ребята чуть не утонули? – вкрадчиво спросила она.

– Никто нигде не тонул, – нахмурился Матвей – он пытался вспомнить телефон начальника лагеря. Не получалось. Беспомощные взгляды не помогали. – Какие болота во Владимирской области?

– А их разве здесь нет? – Голос Кузи был чист и ясен, как солнечный день.

– Есть, – отрезал Матвей, с такой силой вдавливая кнопки, что, казалось, телефон вот-вот рассыплется. – Но не здесь!

– А молнии? Шаровые? – Юлька пользовалась правом хозяйки телефона, чтобы невинно стоять рядом и задавать не менее невинные вопросы.

– Нормальные явления. Летом. В жару. – Матвей отстранил Кузю. – Слушаться надо, когда старшие говорят, а не под деревьями прятаться. У нас в отряде тоже вот так девочка встала под дерево... Алло! – гаркнул он вдруг в телефон.

– И что? – не отставала Кузя.

– И молния ударила. – Матвей озадаченно смотрел на экран.

– И что? – чуть ли не под локоть лезла Кузя.

– И все! Инвалидность выписали. Соображение на уровне пятилетнего. Ест только конфеты.

– И что? – напирала со своими не сильно разнообразными вопросами Юлька.

– Слушаться надо. И телефон у тебя не работает.

– А инопланетяне? – расстроено спросила Кузя, принимая так и не пригодившийся сотовый.

– Улетели. Ну, чего замерли? Встали, побежали... То есть встали, пошли!

– Врет он все, – возмутилась Кузя, стоило Матвею отойти, а Томочке подойти.

– В чем врёт? – Вкрадчивостью Томочка не уступала Кузе. – Про молнию? Или болото?

– Про инопланетян.

– А что инопланетяне? – сделала стойку на интересную новость Миленья.

– Не улетели. Они еще здесь!

Идущий рядом Пося втянул голову в плечи. Но это его не спасло.

– Что, друг, – положил ему руку на загривок Кривой, – больше никого не видишь?

Коротко замахнувшись, он ударил Вальку в живот. Не готовый к нападению Пося ойкнул и согнулся пополам.

– Еще раз вякнешь о привидениях, – склонился над ним Юрка, – башку откручу и буду ею в футбол играть. Понял?

Валька пискнул что-то среднее между стоном и страдающим согласием.

– Один вон уже в лагере остался раны лечить. Смотри, чтобы тебя не отправили следом за Гагариным.

– А что Гагарин? – Глаза Кузи сияли, как стоваттные лампочки.

– Тебе же говорили – инопланетяне к себе взяли. Что-то в космосе ценное углядел, вот его и того...

– Чего – того? – прервала Кривого Томочка, подхватывая Юльку под локоть. – Как будто бы не знаешь? Разбился. Пьяный полетел, вот и разбился.

От внезапного заявления все застыли, вероятно, пытаясь представить себе этого красивого улыбчивого человека – и вдруг пьяным. Тишину прервал Гера.

– «На высоте четыре тысячи метров в самолете «МиГ» произошла разгерметизация кабины, – читал он с наладонника, – пилоты, Гагарин и Серегин, начали резкое снижение. От сильного перепада давления они временно потеряли ориентацию и способность управлять самолетом. Он ушел в пике, из которого не вышел ни на двух тысячах, ни на тысяче метров, и столкнулся с землей. Удалось найти почти все фрагменты самолета. От людей ничего не осталось. Самая крупная часть тела – кисть Гагарина...» И еще тут про подметки что-то...

– Кого же тогда похоронили? – тихо спросила ошарашенная Томочка.

– Кого-то, – пожал плечами Гера, пряча телефон в карман. – Урны с прахом Серегина и Гагарина...

Проходивший мимо Кривой сильно толкнул Геру плечом, и тот повалился под ольху.

– Историк... – процедил он, не останавливаясь.

Пося побежал вперед. Встречаться еще раз с Юркой ему не хотелось.

Глава восьмая

Последний поворот

Больше всего Вальке хотелось дождя. Когда идет дождь, то каждый занят собой и не отвлекается на остальных. Когда дождь, Кривой не распускает руки, а отмахивается от молний футболкой. Когда дождь, можно немного побыть одному.

Дождь обещал пойти снова. Тучи набрасывались на солнце, глотали его, жевали, давились. Светило разрывало тучам животы и выкатывалось в небо, чтобы через пять минут потонуть в новой пасти. Тревожно пели птицы. Порывы ветра бросали в лицо запах скорого ливня.

Отряд вышел из поселка Андреевский, где Алена всех заставила пить парное молоко. Особенно Кривого, хоть он и упирался, орал, что у него будет несварение, что он за себя не отвечает. Но попробовав белую тягучую пахучую жидкость из жестяной кружки, разохотился и выпил не меньше литра. Да и сама Алена, словно соревнуясь с ним, стала пить быстро, давясь и немного проливая на себя. Рядом стоял Матвей с непонятно добродушной улыбкой на лице. Неужели ему нравилось, как Алена льет себе на футболку молоко и слизывает белые «усы» с губы?

От показного добродушия Валька сморщился, свое молоко вылил в крапиву и отошел в сторону.

До недавних пор ему было неизменно любопытно, что происходит в отряде. Его тянуло к ребятам, хотелось стоять рядом, слушать, смотреть, смеяться вместе со всеми. А сейчас что-то как будто оттолкнуло его от них. Он вдруг почувствовал себя особенным, избранным. Они – там – были все вместе. А он – здесь – был один. Его никто не любил, только гоняли и шпыняли. Он был им не нужен, а потому был выше их, чище, лучше.

На выходе из деревни, на пригорке, физрук заставил всех проверить обувь, перешнуроваться, заклеить пластырем стертые пятки. Дальше дорога пошла веселее.

Впереди шагали мальчишки. Они рвались навстречу тучам и ветру, бежали, споря с природой и погодой. Грядущий дождь был не для них, а для кого-то другого, их дождь уже где-то пролился.

Перед ними было далекое-далекое поле, до горизонта. И уже там, на горизонте, виднелся мемориал. По крайней мере, так всем казалось. Мальчишки на спор решили добежать до него и быстро превратились в такие же невнятные точки, как и видимые вдалеке купы деревьев. Через пять минут отряд догнал запыхавшихся бегунов. Поле все тянулось и тянулось, и на горизонте все еще еле различимой точкой виднелось нечто, что было решено принять за цель их путешествия.

Моторова шагала в хвосте отряда и улыбалась. Словно открыв для себя какую-то важную тайну, она теперь радовалась всему – и солнцу, и тучам, и раскисшей от грязи дороге, и бледным цветочкам на обочине. Хмурая Ирка шла рядом и что-то постоянно ей говорила. Было не слышно. Растянутое в пространстве и времени поле не отражало звуков, и Валька время от времени ловил себя на мысли, что смотрит немое кино. Мама его любила такое смотреть, с Чарли Чаплиным.

С другой стороны от Моторовой шагал Кривой и тоже чему-то своему улыбался. При виде его у Вальки сжимались кулаки. Он понимал, что сам умнее и лучше глупого Юрки, что Кривой только и может, что размахивать кулаками, а головой думать не привык. И поэтому Валька хорош, а Юрка плох. Хотелось эту разницу как-то продемонстрировать. Дорога, усталость, механическое, бездумное движение вперед – все это лишало воли... оставляя раздражение. Оно копилось в душе, настаивалось в котле с другими обидами, обещая в ближайшем будущем хорошее колдовское зелье.

Где-то на краю Валькиного сознания и зрения маячил Королев. Он не подходил близко к Аньке, а шел отдельно, постоянно оглядываясь, словно видел Моторову впервые.

А она продолжала улыбаться. Не ему, а всем вокруг – небу, солнцу, тучам, траве, дороге, друзьям, самой жизни.

Валька шел один. После болота с ним никто не разговаривал, будто он сам был виноват, что так все получилось. Он-то хотел предупредить. Но вышло как всегда – всякий раз, когда он пытался кому-то помочь, начинались путаница и паника. А ведь он был готов спасти всех. Если бы его послушались...

– Если бы послушались, – бормотал себе под нос Валька, с опаской косясь по сторонам.

И хорошо, что на него в этот момент никто не смотрел, потому что глаза Постникова вдруг сделались чумные. Он принялся резко вытягивать руку вперед, надеялся поймать невидимого собеседника за плечо и заставить слушать.

– Как будто так сложно было поверить. Она же есть. Я сам видел. Я разговаривал. Красивая девчонка, а несла какую-то чушь про нелюбовь. Мы с ней еще встретимся и выясним, где и кого она не любит. Нормальный вроде человек, а такую глупость говорит. Ну, ничего, вечером я ее увижу, и все объясню. Я всем всё докажу! А девчонка красивая. Мне понравилась. И нет у нее никого, это я заметил.

Так он бормотал, и это занятие заметно сокращало путь. Когда Пося оторвался от изучения своих перемазанных грязью кед и поднял глаза, то увидел церковь, строительные вагончики, забор. В реденьком леске что-то темнело.

Отряд оживился, ссутуленные спины выпрямились, глаза прояснились.

– Вот и пришли! – облегченно развел руками шедший впереди физрук.

Он уже двадцать пять раз проклял и этот поход, и этот сумасшедший первый отряд, способный из ничего устроить трагедию. Это же надо было ухитриться – утонуть на ровном месте. Нет, в следующий раз он, если с кем и пойдет, то с малышами. Они, конечно, капризные, постоянно на что-то жалуются, но хоть не отмахиваются футболками от шаровых молний.

– Я бы еще столько же прошел, – довольно потянулся Матвей, которому нравилось все и всегда.

Алена остановилась. У нее не выходило из головы предупреждение Канашевич: «Были вам огонь, вода... Будут медные трубы...» Она все никак не могла понять, откуда должны свалиться «медные трубы», если хвалить их не за что: подвигов не было, чудес не творили, старушек через дорогу не переводили. Единственное дело, которое она успела за сегодня совершить – потерять Кабанова. Что-то ей подсказывало, что искать они его теперь будут долго.

Тревога, до этого сидевшая тугой спиралью в душе, стала разворачиваться. Они шли к месту гибели одного из самых знаменитых в мире людей. К месту гибели... Первый космонавт... Лучший пилот... Его любили все... Одна гагаринская улыбка чего стоила!

– Подождите! – Пружина в груди развернулась, ужик догадки вцепился в сердце. – Давайте, не пойдем туда!

– Как это не пойдем? – по-детски обиделся Матвей.

– Привал! – крикнула Алена.

Идущие впереди не слышали. Кто-то предложил наперегонки добраться до леса. Голова колонны сорвалась в резвую рысь.

– Стойте!

В ногах слабость, в груди огонь, в голове мысль: «Пропало! Все пропало!»

Нельзя туда идти, надо возвращаться.

– Стоять!

– Что с тобой, дурочка? – перехватил ее Матвей.

Сердце колотилось так сильно, что гул стоял в ушах. В глаза как будто посадили по маленькому сердцу. «Ту-дух, ту-дух, ту-дух», – отбивали они чечетку тревоги.

– Мы столько шли! Зачем останавливаться?

– Ты не понимаешь, – рвалась из его рук Алена. – Канашевич... там!

Она вдруг увидела ее. Девчонка с длинными распущенными волосами, с кривой ухмылкой на бледном лице. Серая футболка, серая юбка, белые теннисные туфли на ногах. Она кивнула Алене и пошла за отрядом. Памятник был хорошо виден – высокая стела, похожая на тело самолета, бетонные плиты.

Матвей держал осторожно, но крепко. Алена больше не дергалась. Прижалась лбом к его плечу. Пока Матвей говорил, становилось спокойнее, все тревоги рассыпались, как сон.

– Ну что ты, как будто и правда белены объелась, – тихо, как с маленькой, говорил напарник. – Весь поход от тебя только и слышно: «Канашевич, Канашевич, Канашевич...» Как она может что-то...

Крик взметнулся в небо, отразился от деревьев и пошел веселым эхом гулять по плечам, лицам, головам. Первый крик догнал визг, истошный, переходящий на ультразвук. Среди туч что-то гроыхнуло так, что дрогнула земля.

Ужик в душе Алены собрался в спиральку и замер. Больше бояться нечего. Все страшное уже произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.